РЕНЕ БАРЖАВЕЛЬ

Голод тигра

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Я никогда не привыкну к весне. Год за годом она поражаетменя, она приводит меня в восторг. И никакого значения не имеют ни возраст, ни накопившиеся сомнения и огорчения.

- Рене Баржавель
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

Рене Баржавель

Голод тигра

1

Я никогда не привыкну к весне. Год за годом она поражает меня, она приводит меня в восторг. И никакого значения не имеют ни возраст, ни накопившиеся сомнения и огорчения. Как только зажигаются свечи каштанов и птицы заводят песни в их ветвях, мое сердце начинает набухать подобно почкам. И вот я снова уверен, что все вокруг прекрасно и справедливо, что только наше невежество вызывает зиму, и что на этот раз мы не позволим, чтобы погибли апрель и май.

Небо чисто вымыто, по нему неторопливо ползут новенькие облака. В воздухе нет выхлопных газов, никто и нигде не убивает ягнят и ласточек. Вот-вот зацветет липа и пригласит к себе пчел. За одну ночь распустятся розы, и соловей исполнит в их честь песню о мире, который весь — одна сплошная радость. Всё начинается с самого начала, все живут новыми надеждами. И на этот раз надеются на успех. Правда, мне осталось прожить на год меньше, чем в прошлом году. Нет, мне осталось жить меньше не на год, а на целую жизнь. Но сегодня я источник, который только начинает свою журчащую жизнь. Это великая ежегодная иллюзия, и первым на очередной обман попадается растительное царство. Миллиарды деревьев и кустов в едином порыве возрождаются к жизни; стебельки-энтузиасты пускаются в бурный рост, разворачивают удивительно совершенные листочки, у которых нет ни малейшего основания не быть вечными. А в это время на другой половине мира уже наступила осень и швырнула оземь все чудеса жизни, которые окончательно уничтожит зима.

Но для нас, только что встретившихся с весной, осень кажется чем-то невероятным; зима для нас не более реальна, чем смерть. Каштаны светятся, словно одетые в белые одежды девушки, пришедшие на первое причастие. Дерево персика — сплошное розовое пламя, лилии — подобны факелам. Во всех лесах и садах, на всех полях, на бесконечно диких и на старательно ухоженных пространствах, на каждом сантиметре земли, занятой растениями, величественно разворачивается молчаливая и медленная растительная любовь.

Каждый цветок — это половой орган. Думали ли вы об этом, когда наслаждались ароматом розы? И каждый цветок — это даже не один, а чаще всего сразу два половых органа, мужской и женский одновременно, и его краткая жизнь, проходящая в сиянии красоты, это апофеоз любви. Розовый персик совершает акт любви всеми своими цветками, и то же самое совершает каждый стебелек злаков. Поэтому поля пшеницы в окрестностях

Парижа или на Украине, простирающиеся во все стороны за линию горизонта, это бескрайние поля любви. На половине нашего мира за несколько недель травы и деревья высвобождают миллионы тонн пыльцы, большинство микроскопических зернышек которой будет унесено ветром и затеряется. Только немногие из них, которым будет благоприятствовать случай, дуновение ветерка или прихоть насекомого, достигнут застывшего в своей эрекции пестика и оплодотворят его яйцеклетку. Чтобы продолжалась жизнь.

Чтобы продолжалась жизнь, в волнение приходит и животное царство. На лугах и в лесах, под камнями и под корой деревьев, в толще земли и в потоках ветра, все виды живых существ, от клеща до слона, бросают своих самцов в атаку на самок. В каждой луже, в каждом болоте, во всех реках и морях самки рыб откладывают миллиарды икринок, которые тут же оплодотворяют самцы.

На протяжении нескольких дней живые воды Земли превращаются в сплошной раствор семенной жидкости.

Как только мальки серебристыми брызгами устремятся во все стороны из жизнегенерирующей магмы, их наивные игры привлекут к ним голодные пасти. Большинство покинувших икринки малышей поглощается, проглатывается, пожирается в первые же мгновения их жизни. Только очень немногие смогут прежде, чем их проглотят, вырасти и превратиться во взрослых рыб, способных в свою очередь отложить икру.

Немногие. Но их будет достаточно, чтобы жизнь продолжилась.

2

Любое нормально развившееся живое существо есть ничто иное, как орган воспроизводства. Все остальные части его тела подчиняются этому главному органу и существуют только для того, чтобы обеспечить его выживание, гарантировать выполнение им его главной задачи.

У живой материи, похоже, нет другого смысла существования, как распространяться в пространстве и продолжаться во времени.

Виды и особи, предназначенные для того, чтобы обеспечить решение этой двойной задачи, не имеют ни малейшего шанса уклониться от исполнения своей обязанности. Эта обязанность определяет их существование настолько же холодно и непреклонно, насколько неизбежно свинцовый груз натягивает нить, к которой он подвешен. Даже если ветру удастся немного отклонить нить, она все равно тут же вернется к вертикальному положению; именно относительно этого положения колеблется груз.

3

Человеку приятно думать о себе, как о существе цельном, независимом, который знает, что он делает и делает то, что он хочет, разумеется, в соответствии с существующими нормами и законами. В действительности же его индивидуальное существование есть ничто иное, как иллюзия, предназначенная для того, чтобы обеспечить ему на протяжении времени, полезного для вида, вкус к жизни, чтобы он сохранял ее и передавал дальше.

Человек — это всего лишь носитель зародышей жизни. Он должен передать дальше жизнь, которую он получил от своих родителей, он нужен только для этого, он рождается, думает, работает, борется, страдает исключительно для этого, и если он умирает, не выполнив свою задачу, то ее выполнит большинство окружающих его людей, и его бесполезное существование будет значить не больше, чем польза, которую он мог бы принести. Все это не имеет значения; важно только существование вида.

Каждый раз, когда мужская особь человеческого рода занимается любовью, она бросает на штурм женской яйцеклетки примерно 800 миллионов сперматозоидов. Это в 20 раз больше, чем все население Франции. Человеческий род сейчас насчитывает примерно 1500 миллионов мужских особей, из которых около 400 миллионов находятся на стадии половой зрелости. Разумеется, эти расчеты не опираются на точные цифры. Правильным, даже точным следует считать только порядок этих головокружительных величин. Допустим, что только половина этих самцов занимается любовью один раз в сутки. В итоге мы получим 160 миллионов миллиардов половых клеток, высвобождаемых каждые двадцать четыре часа. Не более одной из каждых 150 миллиардов этих клеток достигает яйцеклетки и приводит к оплодотворению. Остальным придется погибнуть.

Это невообразимое расточительство — всего лишь одна из мер, предусмотрительно разработанных видом, чтобы обеспечить его выживаемость. Несмотря на все предосторожности, спирали, гидротерапию, применение методики Огино, регулярно созревающая яйцеклетка неумолимо осаждаемая бесчисленным воинством, рано или поздно будет пронзена вибрирующей стрелой сперматозоида. В результате яйцеклетка превратится в индивидуума, который, в свою очередь, также будет порождать бесчисленные количества мужских или женских половых клеток.

Мужчины и женщины, прожившие всю жизнь и умершие, так и не заведя потомства, так же, как и пары, у которых были дети,

всю свою жизнь контролировались, парой небольших желез, определявших все их поведение. Именно эти железы заставляли их испытывать желание и любовь, которым люди предавались в счастье и самозабвении; именно они заставляли их страдать из-за разочарования, если они не отказывались напряжением воли от радостей любви. Плыли ли они по течению потока жизни, пытались пересечь его или боролись против течения, отдавались ли они с радостью стремнине, цеплялись ли они за подводные камни или тонули, все их существование — индивидуальное, семейное или общественное — в каждый данный момент зависело от деятельности этих желез. Что такое Ромео, как не легион мужских половых клеток, карабкающихся по лестнице, чтобы соединиться с женской половой клеткой, притягивающей их с непреодолимой силой. Известно, какие радости и какие несчастья могут причинить они двум человеческим существам, носителям этих клеток. В этом весь Дон Жуан и его жертвы, в этом также Химена, Мессалина, Онан и все эти безымянные пары, слагающие живую ткань человечества. В этом и одиночки, и покинутые, и разочаровавшиеся, и даже гомосексуалисты. Они отнюдь не более свободны, чем остальные. Они тоже подчиняются необходимости испытывать плотские радости любви.

Эти радости — это еще одна предосторожность, придуманная жизнью, чтобы обеспечить свое продолжение. Желание, которое толкает человека к этим радостям даже до того, как он достигает зрелости, необходимой для выполнения своих функций, это великая воля вида, неумолимая, неизбежная, универсальная. Сознает ли это человек, или остается в неведении, подчиняется ли он этой силе, или восстает против нее — покорность каждого человеческого существа этой воле неизбежно, поскольку у него есть тело.

4

Каждый из этих сперматозоидов, как тот, что достигает яйцеклетки, так и те 150 миллиардов, которые погибают, несут в себе приказы на все последующие времена. Каждый из них есть жизнь, которая продолжается, и каждый также — почему этой жизни.

Каждый день армия, в пятьдесят миллионов раз превосходящая все население Земли, бросается на штурм будущего и гибнет, не достигнув его. И каждый новый день очередная армия поднимается в атаку и возобновляет штурм. Достаточно, если один-единственный боец из 150 миллиардов уцелеет после чудовищной гекатомбы, чтобы будущее было обеспечено и послание будущим поколениям было передано.

Едва только ничтожно малый сперматозоид проникает в неосязаемо малую яйцеклетку, как жестко определяется вся физиология человека, который родится от этого союза. Каждый из партнеров — и яйцеклетка и сперматозоид — привносят в общий котел содержащиеся в них приказы, которые перемешиваются, сливаются, вычитаются друг из друга, чтобы образовать генеральный план нового существа. Это будет человеческое существо мужского или женского пола, оно будет таким или иным, но оно всегда будет человеческим существом.

Просто поразительно, если хоть немного задуматься об этом, что с тех пор, как род человеческий осознал себя, еще никогда ни одна женщина, с яйцеклеткой которой соединился сперматозоид, полученный ею от мужчины, не произвела на свет лошадь, улитку или кочан капусты.

5

Яйцеклетка не превышает в диаметре двух десятых миллиметра. Сперматозоид в тысячи раз меньше. Их общий вес вряд ли достигает половины миллиграмма. Во французском языке нет слова, чтобы охарактеризовать столь незначительное количество вещества, это меньше, чем пустяк, это видимость. Тем не менее, эта ничтожно малая крупинка содержит в себе всю программу изготовления взрослого существа, как в его совокупности, так и в малейших деталях: цвет его волос, а также их количество, и эту родинку, унаследованную от предка, жившего в шестом тысячелетии до нашего времени, и которая до конца веков будет время от времени украшать левую ягодицу женских представителей рода; а также выпуклую или плоскую грудь, прямые или покатые плечи, мягкие или хрупкие ногти, волосы на пальцах ног или их отсутствие. И то, какая складочка образуется в уголке глаза при улыбке, каким образом перемещается рука при попытке схватить какой-нибудь предмет, тембр голоса, легкий или глубокий сон, может быть, даже сны…И все это заключено в этой крупице, все то своеобразие, которое позволяет отличить одного человека от другого, то, что связывает человека, который еще только должен родиться, со всеми его предками.

Но, наряду со всеми этими мелкими деталями, имеется и общий план. Тот общий план изготовления человека, который одинаков для всех представителей одного вида.

Как только яйцеклетка и сперматозоид сливаются в одно целое, образовавшаяся клетка начинает делиться. Яйцо, единственная клетка-первооснова, содержащая все, что должно проявиться во взрослом существе, делится пополам, потом на четыре части, на восемь, шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре части и так далее в невероятной геометрической прогрессии, которая в конце концов обеспечит появление миллиардов клеток, необходимых для формирования человека. И каждая из двух, четырех, шестнадцати и так далее клеток, каждая из миллиардов содержит в себе полную программу.

Программу рода, которая обеспечивает изготовление человека, а не лошади, улитки или кочана капусты.

Программу поколения, которая обеспечивает появление шведа с льняными волосами и голубыми глазами, или китайца, или овернца, или мулатки, человека высокого или коротышку, сгорбленного или хромого, жирного или мускулистого.

Программу появления органа, который будет развиваться,

дифференцироваться и специализироваться, чтобы превратиться в печень или мозг, клетчатку или желудок, и который будет точно знать, какая работа возлагается на него.

Программу деятельности клетки, которая будет получать кровь или лимфу, поглощать различную пищу, перерабатывать ее в зависимости от потребностей особи, потребностей органа и своих собственных потребностей, будет функционировать подобно химическому, электрическому или атомному заводу, поразительно совершенному и сложному, выдавать определенные порции энергии или необходимых веществ, направлять их в оборот или оставлять в резерве, выводить отбросы и умирать, когда настанет час, предварительно изготовив себе замену, которой она передаст свою программу.

Каждая из миллиардов клеток делает в точности то, что она должна делать и точно на том месте, куда она была помещена в процессе изготовления особи. В полном соответствии с программой.

До рождения особи, после ее рождения, после достижения взрослого состояния, вплоть до самой смерти.

6

Нельзя сказать, что каждый человек сам создал себя, что он сам решил прожить свою жизнь. Его жизнь продолжается сама собой без какого-либо вмешательства его воли.

Не существует момента, когда бы его существование продолжалось только потому, что он хочет этого. Его жизнь поддерживает сила, совершенно независимая от его сознания и его решений. Интеллект человека слишком слаб, его внимание слишком неустойчиво, его невежество слишком велико, чтобы он мог хотя бы в течение нескольких мгновений выполнять эту задачу. Если бы человек внезапно стал отвечать за функционирование своего тела, оно немедленно погибло бы в хаосе и разложении. Управление столь сложным миром, каким является человеческий организм, требует идеального знания возможностей материи и законов нашей вселенной. Оно требует постоянного бодрствования и непрерывного внимания, таких способностей воспринимать, координировать и решать, которые не оставили бы ни одной частички организма за пределами жизненного цикла. Все это находится далеко за пределами возможностей познания, понимания и человеческой воли. Человек словно поселен внутри самого себя наподобие некомпетентного пассажира. Он ничего не знает о жизни своего организма, который не зависит от него и который он может только разладить, если пытается воздействовать на него.

Не от человека зависит его рождение, не он в каждый данный момент жизни предпринимает все необходимое, чтобы его организм продолжал функционировать, не он принимает решение о мгновении, когда прекратится его существование. Большинство религий рассматривает самоубийство как самый тяжелый грех; самоубийство всегда вызывает у родственников добровольно ушедшего из жизни потрясение, смешанное с чем-то вроде ужаса.

Потому что самоубийство — это вмешательство человека в то, что ему не принадлежит. Может быть, даже убийство является менее преступным; возможет быть, для человека биологически настолько же естественно лишать жизни одних людей, насколько естественно быть причиной рождения других. Но только не самого себя.

7

На протяжении многих столетий человек упорно раскрывал с помощью ножа множество секретов, таившихся в его теле. В конце концов он многое понял о том, как функционирует человеческий организм. Но самое удивительное заключается не в том, что он наконец достаточно хорошо узнал, для чего служит каждый из его органов; поразительно то, что все органы сами прекрасно знают, для чего они предназначены. Сердце должно биться, железы — выделять, желудок — переваривать, печень — перерабатывать, кровь — переносить, питать, очищать, защищать; любой орган, любая из бесчисленных клеток великолепно знают, что они должны делать, и они делают именно то, что нужно, без какого-либо вмешательства в эти процессы человека, организм которого они слагают.

Еще одно чудо — то, что каждый из этих органов, образовавшихся всего лишь из половины миллиграмма живой материи, всегда находится в нужном месте. Разве это не чудо — что анус никогда не оказывается на месте пупка, желудок никогда не помещается в черепной коробке, глаза — на подошвах, кожа — внутри организма, сердце — в плече…

8

Продукт трансформации исходной клетки, результат деятельности миллиардов клеток-заводов, человек ни в один из моментов своего существования никоим образом не в состоянии вмешаться, чтобы управлять их деятельностью. Человек — результат деятельности клеток, но не их хозяин. Он безобразно обращается с ними, отравляет их, доводит до удушья, калечит их. Клетки сопротивляются, насколько это в их силах. Когда наступает смерть индивида и смерть всех составляющих его клеток, когда живая материя разлагается и возвращается в элементарное состояние, одна, иногда две или несколько клеток из миллиардов клеток организма отделяются от него и передают дальше жизнь и программу. Форма жизни, которую они обязаны поддерживать, продолжается. Именно для этого послужил индивид. Он послужил для того, чтобы поддержать, в доступной для него микроскопической доле, огромный поток, который, наравне с множеством других, увлекает его вид через время и пространство.

Родившийся на свет от капельки жизни, содержащей программу, человек должен передать дальше и жизнь, и программу и обеспечить, когда настанет момент, отделение от него неисчислимого множества клеток-посланников, из которых одна, две или несколько передадут дальше программу, в соответствии с которой протекала жизнь индивида и будут жить после него его потомки.

Жестко обусловленный особенностями составляющих его компонентов, слепо подчиняющийся законам вещества, из которого он состоит, неспособный управлять самим собой, ничего не знающий о своем предназначении, человек только выглядит существом, обладающим автономностью существования. Его индивидуальное существование в действительности всего лишь обман.

9

Живые существа, миллиарды людей, мух или одуванчиков, это ничто иное, как транспортные средства. Жизнь переносится ими через время и пространство.

Их искусная неподвижность или двигательная активность не имеют иной цели и не приводят к другому результату, кроме этого переноса, который они не сознают. Внутри каждого вида, от одного поколения к другому, начиная с момента зарождения жизни, передается одна и та же жизненная форма.

Когда женская и мужская половые клетки сливаются, чтобы образовать одну оплодотворенную клетку, она немедленно начинает делиться, чтобы в итоге создать нового представителя своего вида. В самом начале этого процесса деления клетка как бы откладывает в сторону небольшую часть самой себя. Остальное пойдет на создание цельного нового организма. Незначительная часть клетки, отложенная в сторону, с самого начала создает небольшое количество воспроизводящих клеток, которые новое существо передаст дальше, чтобы сформировать новые воспроизводящие клетки у новых существ. Если уничтожить эту незначительную частичку, отделившуюся от оплодотворенной клетки, та все равно продолжит деление и в итоге мы получим нормальное взрослое существо, обладающее полным набором органов и даже половыми железами, мужскими или женскими. Но эти железы окажутся не в состоянии сформировать яйцеклетку или сперматозоида: они не обладают способностью к воспроизводству. Взрослый организм получил все наследственные признаки своего вида и своих родителей, он получил свою порцию индивидуальной жизни, но ему не досталась крупица жизни рода, и он не в состоянии передать ее дальше. Почтальон торопится, но его сумка пуста…

Похоже, что в этой воспроизводящей клетке есть частица, которая не смешивается с миллиардами клеток организма, которого она создает.

Одна оплодотворенная клетка создает, с одной стороны, новые воспроизводящие клетки, а с другой стороны, новый организм, предназначенный сохранять этот залог воспроизводства и передавать его дальше в бесконечной последовательности живых существ вида.

Таким образом, очевидно, что воспроизводящие клетки передают от поколения к поколению некую субстанцию, носительницу совершенно независимой жизни, непрерывно продолжающейся во времени и распространяющейся в живых

существах. Чтобы обеспечить выполнение этой задачи, они ведут паразитирующий образ жизни, распоряжаясь живыми существами-носителями, которых они создают на протяжении времен.

Видимая жизнь, жизнь каждого отдельного индивида, это жизнь ограниченная, существующая на небольшом отрезке времени, который предоставлен ей, чтобы она могла выполнить свою миссию носителя жизни вообще.

Подлинная жизнь, жизнь постоянная, непрерывно продолжающаяся начиная с первого живого существа, есть жизнь этой субстанции, размножающейся в пространстве и продолжающейся во времени; она одинакова у всех представителей одного вида, может быть, одинакова у всех видов, у всех живых существ. Этот вывод основан на том, что если мы разрушим эту субстанцию в оплодотворенной яйцеклетке, то появившееся на свет живое существо никак не отреагирует на это. Следовательно, данная субстанция независима от всех специфических особенностей живых существ.

Не является ли эта жизнь, уникальная и разнообразная, распределенная по телам всех живых существ, подлинным обладателем разума, сознания и знаний?

Не вызывает сомнения, что:

— именно она создает человека, ягненка и капусту, а не мы;

— именно она создает и размещает в нужном месте все органы нашего тела, а не мы;

— это она заставляет биться наше сердце, а не мы;

— это она продолжится в веках, а не мы; нам же придется умереть.

10

Почему нужно думать обо всем этом? Да потому, что жизнь существует, а мы находимся в ней, мы живем!

Разумеется… Остается только жить… Это то, что мы все делаем, то, что ты обычно делаешь.

Но достаточно одного мгновения… Вот ты сидишь там, на теплом камне или на песке пляжа, или на полированном дереве стула, на который ты усаживаешься каждый день и работаешь. Сидя на котором ты отдыхаешь, если не работаешь, на котором пьешь кофе или ешь. Вся жизнь течет вокруг тебя, но и ты течешь вместе с ней.

Миллиарды людей, миллиарды миллиардов живых существ и звезд. И ты вместе с ними. Хотя ты и не заботишься об этом.

На протяжении двадцати, сорока, шестидесяти лет ты являешься частью всего. Того всего, которое расширяется или сжимается, которое поднимается или опускается, которое приходит откуда-то и уходит куда-то.

И ты уходишь вместе со всем.

Так вот, ты находишься на своем месте, со свойственной тебе формой тела, с его функциями, которые тебе не известны. Ты работаешь, ты спишь, ты дышишь, не задумываясь о том, что ты делаешь. Ты существуешь. Подобно крупинке песка на пляже.

Морской прилив увлажняет тебя и перекатывает с места на место, солнце высушивает тебя, ветер уносит тебя и бросает, где придется.

Ты придерживаешься своего места, места песчинки. Кроме тебя на пляже находятся миллиарды и миллиарды других песчинок.

И ты вместе с ними.

Ты рождаешься, ты живешь, ты производишь на свет детей, ты работаешь ради них, работаешь для других, борешься с чужими, сражаешься против своих, ты любишь, ненавидишь, страдаешь, ты счастлив, ты несчастен, ты ешь, ты плачешь, ты счастлив, несмотря на все несчастья, счастлив, не задумываясь об этом, поезд уносит тебя, все проходит, ты идешь, ты сидишь на камне во время своих каникул или на рабочем стуле…

Но, внезапно, ты оказываешься между ветром, солнцем и приливом, одинокий и неподвижно подвешенный в пространстве. Внезапно прозревший на мгновение, на один миг, ты видишь как все функционирует вокруг тебя. Гигантский величественный вихрь, увлекающий за собой все и вся из глубин времени в миллиарды лет и продолжающийся на миллиарды лет в будущее,

устремляющийся из бездны в миллиарды пространств в миллиарды бесконечностей.

Миллиарды миллиардов бесконечно разнообразных творений в вечном движении, атомы, клетки, существа, звезды, галактики, вселенные — все откуда-то приходит и уходит куда-то.

И ты движешься вместе с ними.

Куда?

В течение одного мига, одного застывшего мгновения ты видел все. Этого времени тебе оказалось достаточно, чтобы понять, что ты ничто, что ты не имеешь никакого значения, что ты ноль, ты меньше, чем ноль. Миллиарды миллиардов уносящихся куда-то творений. И ты вместе с ними, среди множества множеств, и каждая их крупинка значит не больше, чем ты. Не больше, но и не меньше. Да, ты не меньше, чем мушиная лапка, но и не больше, чем Луна… Или как Луна? О, да, ты подобен Луне! Вот ты, твоя семья, все человечество, галактики, вселенные в одном ряду; и снова ты ноль, пылинка из пылинок, ничто, Ничто во Всем.

Неподвижный вихрь Всего уносящийся из откуда в когда. И ты — ноль. Ты, твои вечные колики в желудке, твои сексуальные желания, твои мечты об ордене Почетного Легиона, твое брюшко для супа, твои груди для любви, твои усы, твое шелковое платье, твой потрясающий ум, твоя изящная ножка, ты, ноль.

Ты снова оказываешься среди ветра и прилива. Но ты неспокоен. Обжигающе горячий песок, неприятно жесткий стул. К чему все это? К чему мозоли на заднице, к чему шершавые руки, этот дым из ушей? К чему весь этот кавардак? Родиться, жить, умереть? Жить… Жить? Зачем? Зачем?!

Не тебе отвечать на эти вопросы, да и не мне тоже. Но, даже без надежды получить ответ, если ты не выкрикнешь вопрос, ты всего лишь обглоданная кость…

11

Осознает ли вид животных свое предназначение? Знает ли род человеческий, что он должен продолжаться? Если существует это коллективное сознание, то отдельный человек не может знать об этом больше, чем клеточка мышцы бедра вбрасывающего мяч в схватку знает о правилах игры и о стремлении победить. Тем не менее, все клетки тела игрока в регби трудятся ради этой победы.

Из всей бесконечной Вселенной мы знаем кое-что только о той пылинке, на которой живем. Мы знаем ее плохо, из-за наших органов чувств, ограниченных по их числу и по их возможностям, из-за нашей способности к пониманию, подобной самолету, не умеющему летать.

Мы можем прокатиться туда и обратно по взлетной полосе и даже свернуть на газон, но мы не способны набрать скорость, достаточную для того, чтобы взлететь.

И все же мы догадываемся о многом и видим достаточно, чтобы дать себе отчет в том, что на ограниченной поверхности нашей пылинки разыгрывается свирепая драма, смысл которой нам не известен.

Передача жизни, похоже, является всего лишь способом движения к цели. Конечно, это не гарантирует, что участники игры реально приближаются к ней или что они могут когда-либо достичь ее; нет уверенности даже в том, что сама цель существует в действительности. Но эту игру ведут все виды живых существ. Все вместе они ведут общую игру, и каждый вид ведет свою особую игру. Эти виды неизбежно уничтожают друг друга, занимаясь этим с такой изобретательностью, что смерть служит зарождению жизни и позволяет игре продолжаться и продвигаться вперед.

Цель игры столь далека, ее достижение столь нереально, что если бы вся живая материя концентрировалась в одном-единственном существе, жизнь которого не имела бы временных ограничений, то наверняка это существо в конце концов почувствовало бы усталость и нашло бы способ лишить себя жизни. В результате вместе с ним исчезла бы Жизнь.

Многочисленность видов, краткость существования отдельного индивида позволяет исключить эту опасность. Жизнь продолжается только потому, что отдельные индивиды смертны. Ни у кого из них нет времени на то, чтобы понять, ни у кого из них не появляется соблазна отказаться. И даже, если кто-нибудь из них приходит к пониманию и отказывается, или же отказывается потому, что не способен понять, бесчисленное

количество жизней вокруг него, до него и после него продолжается.

Отдельные существа рождаются, живут, убивают, передают мяч следующим игрокам и выходят из игры, возвращаясь к состоянию резерва исходного сырья. Они не могут отказаться от передачи жизни следующим поколениям, так как они не успевают понять, что они делают это. Их краткое существование служит для того, чтобы произвести следующие за ними живые существа, но они не понимают, что служат только этой цели. Они — всего лишь воспроизводители, но они не знают, что занимаются исключительно воспроизводством.

Олениха, отдающаяся зрелому оленю-самцу весенней ночью в Шамбордском лесу, не представляет последствия удовлетворения своего желания, как не представляет этого и овладевающий оленихой самец. Коты, сражающиеся за кошку в весеннем сквере и не дающие спокойно спать тысячам парижан, не догадываются, что действия победителя приведут к появлению котят. Цветок вьюнка не знает, что он превратится в семечко. Вьюнок не знает, зачем он распускается.

12

У миллиардов растений, подчиняющихся категорическим приказам, записанным в их клетках и начинающим действовать при наступлении весны, вытягиваются пестики и созревает пыльца; миллионы самцов оплодотворяют самок, не представляя, что они станут родителями. Впрочем, большинство живых существ не имеет представления о своем потомстве. Совершив акт любви, они продолжают заниматься своими делами, если их не растерзает самка. Кажется — только кажется? — что мы не можем быть уверены ни в чем, когда речь заходит о сознании животных, и мы еще более невежественны во всем, что имеет отношение к психике растений. Похоже, что из всех живых существ только человек способен установить зависимость между причиной и следствием, понять, какая связь существует между половым актом и рождением ребенка. Говорят, правда, что некоторые австралийские племена еще не осознали наличие подобной связи. Что касается так называемых цивилизованных людей, которые теоретически хорошо представляют, что половые органы — это инструменты воспроизводства, то они обычно забывают о конечной цели и подчиняются власти средства, то есть желания, совершенно так же, как уличные коты или олень в Шамбордском лесу.

13

Почти всегда женщина осознает, что она забеременела, с удивлением. Даже в тех случаях, когда она рада этой неожиданности, что бывает не так уж часто, ей нужно некоторое время, чтобы поверить в свершившееся и осознать свое состояние. Впрочем, она достаточно быстро принимает свою новую функцию, делая это с радостью, но всегда это событие представляется ей вначале невероятным и едва ли не сверхъестественным. В то же время, ничто не казалось ей более естественным и самим собой разумеющимся, чем любовное объятие.

Когда соединяющиеся мужчина и женщина сознают, что их действия могут привести к рождению ребенка, то это происходит обычно потому, что они опасаются соответствующих последствий и предусматривают определенные меры, чтобы избежать их. Именно для того, чтобы лишить эти предосторожности смысла, невежество в вопросах пола является едва ли не правилом у всех живых существ. Человеческий род в начале своей истории был осведомлен в этом вопросе не больше, чем бабочка или буйвол. Только после появления языка появилась возможность передавать накопленные наблюдения от одного поколения к другому, добавляя при этом новую информацию. Таким образом возникло, несмотря на краткость жизни отдельного индивида, общее знание, постоянно увеличивавшееся со временем, хотя при этом происходила, по-видимому, потеря другого знания, гораздо более глубокого, которое все еще остается доступным животным и растениям. То, что не мог осознать один человек, удавалось понять многим последовательно рождавшимся друг после друга людям. В итоге — я не могу поверить, что этого не знают австралийцы, столь осведомленные в гораздо более сложных вопросах — любой современный мужчина, даже если он и провалился на выпускных экзаменах, знает, какими могут быть последствия глубоко интимного контакта с особой противоположного пола. Человечество в этом случае вело игру против человеческого вида и предоставило своим членам возможность отделить причину от следствия, возможность подчиняться или нет закону существования вида. Это ценное приобретение — дарованная свобода. Но вид применяет против свободы воли мощнейшее оружие, которое почти всегда уносит влюбленную пару далеко от осознанного поведения и любых предосторожностей. Это оружие — наслаждения любви.

14

У нормальной женщины — я не имею в виду фригидную женщину, которую нельзя считать естественным продуктом жизни, так как она формируется или обществом, построенным на насилии, или под влиянием эгоистичного, часто неловкого мужчины — так вот, у женщины, охваченной радостью, переполненной чувствами, потерявшей всякое представление о реальности, сохраняется лишь один властный рефлекс: раскрываться навстречу мужчине, раскрываться самозабвеннее, принимать его снова и снова, отдаваться ему все полнее и полнее. Что касается мужчины, то на несколько кратких мгновений он превращается в слепой механизм оплодотворения, подталкиваемый вперед силой, более неумолимой, чем бульдозер. Он и она, полагающие, что они думают только о себе, каждый о своем удовольствии (он, иногда, о ее удовольствии), убежденные, что они совершают наиболее личный, наиболее индивидуальный, наиболее эгоистичный акт, в действительности забывают о себе, отказываются от своей личной свободы и делают то, что имеет значение только для Жизни в целом.

15

Любой мужчина подчиняется неумолимому закону, подчиняется, подобно мыши или слону, речной рыбе или певчей птичке. Ему достаточно заметить горделиво выступающую грудь, поймать лукавый взгляд, увидеть изящную ножку, вьющийся локон, услышать воркующий голос, и будь он ученым-атомщиком или грузчиком, он тут же устремляется вперед. Разумеется, он не имеет понятия о своей пассивной роли; наоборот, он считает, что выполняет ряд осознанных, обдуманных поступков. Человеческое существо мужского пола, в котором пробудилось желание, направленное на существо противоположного пола, преодолевает или разрушает все преграды, отделяющие его от объекта устремлений, мгновенно избавляется от безразличия, подавляет свои колебания, отбрасывает опасения, вырывает женщину из рук родителей или мужа, чтобы сделать из нее жену или любовницу и в конце концов соединяется с ней. Мужчина абсолютно убежден, что обладание женщиной есть завершение его сознательных действий, итог его устремлений, победный финал его упорства. В действительности же он лишь слепо и покорно бежит по пути, указываемому его полом, ориентированным, подобно стрелке компаса, под влиянием видового магнитного поля

И женщина, столь хитроумно добивающаяся избрания мужчиной, которого она выбрала, которая создает перед ним преграды, чтобы он мог их устранить, которая удаляется от него, чтобы он кинулся вслед за ней, которая сопротивляется, чтобы победные усилия ее избранника были еще основательнее, женщина, убежденная, что она управляет игрой, в действительности сама управляется ежемесячным созреванием таинственной, микроскопической, властной яйцеклетки, которая жаждет соединиться с дополняющей ее оплодотворяющей клеткой, после чего она будет способна делиться и множиться.

В жизни человеческих существ выбор партнера является наиболее непроизвольным действием за все время существования индивида с момента его рождения. Образование пары есть ничто иное как результат действия закона сохранения вида, опирающегося на наследственные признаки и учитывающего множество случайных социальных особенностей. Это называется супружеством, страстью, ревностью, адюльтером, приключением, предназначением, проституцией, семьей. Это то, что мы называем любовью.

16

Здесь какая-то путаница.

Любовь — это отсутствие эгоизма.

В то же время, девушку к юноше и юношу к девушке толкает необходимость удовлетворить наиболее личную, наиболее индивидуальную потребность. Когда это стремление обоюдно, оно порождает у обоих партнеров особое психическое состояние, заставляющее их испытывать невыразимое удовольствие когда они находятся вместе, видят друг друга, разговаривают, смотрят в глаза друг другу, думают друг о друге, даже не собираясь перейти к свершению акта половой любви. Конечно, это состояние бывает и после. Наверное, это то, что мы называем счастьем. Но как только у одного из партнеров появляется намерение разрушить гармонию, покончить с этой интимностью, другой начинает защищать свое счастье нимало не заботясь о том, кого он только что так страстно любил. Он становится похож на льва, у которого пытаются отобрать добытую им газель. Его свирепость может дойти до убийства. Тайной пружиной подобного поведения является дикий эгоизм. Это полная противоположность любви.

Любовь — это самозабвение.

Она не требует взаимности, потому что жаждет только отдавать. Но если она оказывается взаимной, если каждый из партнеров дает столько же, сколько получает, то тогда для них может установиться подлинное блаженство, которое ничто не может нарушить. Подлинная любовь порождает истинное счастье. Но для того, чтобы возникло состояние истинной любви, необходимо, чтобы существа, образующих пару, были способны достичь гармонии своих физиологических особенностей, их внутренние миры должны тесно сообщаться, вкусы должны согласовываться и дополнять друг друга, желания синхронизироваться. Даже уровень образования должен быть одинаковым или сходным. И каждый из членов пары должен обладать качествами, заставляющими его думать сначала о другом человеке, и только потом о себе.

Такая гармония встречается редко. У нее очень мало шансов возникнуть в результате того, что мы обычно называем любовью. Которая искажает суждения, ослепляет перед очевидностью и делает глухим к истине, заставляя устремляться навстречу друг другу существа, наименее подходящие для того, чтобы обеспечить взаимное и длительное счастье.

Конечно, весьма желательно не отдавать на волю случайности заботу о подборе пар. Нужно иметь возможность

руководить этой фантастической мощью, бросающей друг к другу двух передвигающихся на задних конечностях носителей половых клеток противоположного знака. Попытаться наладить совместное движение к цели тех, кто имеет равную скорость и одинаковое направление, вместо того, чтобы позволять столкновение "Роллс-Ройса" и "Ситроена", десятитонного грузовика и мопеда. Но кто в наше время способен взять на себя эту обязанность? Когда в отношения влюбленных вмешиваются родители, то при этом в игру вступают лишь новые формы эгоизма, которые еще сильнее нарушают и так весьма нестойкое равновесие.

В некоторых античных или примитивных обществах заботы о создании брачных союзов были возложены на шаманов, колдунов или священников. От этого обычая до нас сохранился только религиозный церемониал бракосочетания и нетерпимость церкви, считающей, что любой союз, заключенный помимо нее, недействителен.

Наверное, это было правильно, когда священники выбирали членов будущей брачной пары. Это относится к тем временам, когда священник был единственной опорой, единственным светочем для маленькой общины, когда он знал, что такое человек и что такое Бог, и как можно было познать одного из них с помощью другого.

Сегодня бракосочетание, независимо от того, свершается ли оно гражданским или религиозным церемониалом, это дело случая. Никто не имеет права вмешиваться. Ведь для того, чтобы правильно соединить два человеческих существа, нужно знать, что такое человек.

Приход, эта существовавшая в прошлом административная единица, объединяет несколько находившихся рядом домов. Это была структура, организованная по тому же принципу, что и человеческое тело, когда каждый член прихода выполняет свои обязанности, каждый человек работает на приход в целом, одновременно получая от других плоды их трудов. Священник был мозгом и сердцем этого сообщества. От него зависели и контакты прихода с остальным миром.

Все изменилось к худшему с той поры. Рядом с ремесленниками появились торговцы, приход превратился в ожиревшее существо, священник забыл смысл произносимых им слов и жестов, которые он машинально свершает над пустым алтарем. Никто уже не знает никого, даже самого себя. Знание о человеке полностью утрачено. Человек сегодня не знает ни мир, в котором находится, ни причину своего существования в нем, ни то, что есть он сам. В то же время, он является игрушкой во

власти огромных сил, поддерживающих творение в его вихревом равновесии; у него нет другой возможности спастись от отчаяния, как создать себе множество иллюзий, утешающих его и сводящих его горизонты до пределов самого узкого эгоизма.

Таким образом, каждая пара влюбленных забывает остальной мир и думает лишь о том, что их так называемая "любовь" — это уникальное, грандиозное чувство, равного которому не знает человечество.

В действительности же, Ромео заставляет карабкаться по лестнице лишь непреодолимая тяга миллиардов клеточек-посланников, которых он создал, ничего не представляя об этом, и которые его тело должно неизбежно передать другому телу, контакт с которым заставит их устремиться в будущее подобно ракетам.

И ослепленная любовью Джульетта путает жаворонка с соловьем и не хочет видеть утреннюю зарю только потому, что яйцеклетка, планета будущего, стремится обеспечить свою судьбу, вызывая на штурм самой себя миллионы и миллионы новых клеток-ракет, из которых только одной предназначено передать послание. В этот раз или потом. Как можно чаще. Еще, еще и еще. Чтобы в конце концов состоялась встреча. Не уходи, Ромео, нет, это соловей, а не жаворонок. Впереди у нас еще целая ночь…

Итак, за дело.

Все остальное — это Шекспир.

17

Разумеется, есть чудо встречи с любимым, волшебство его присутствия, ошеломление при обладании. Есть ощущение, что когда вы вместе, вам дышится легче, что сердце готово выскочить из груди, что эта красота затмевает все вокруг. Все это симптомы, характеризующие вершину кривой любви.

Это элементы ловушки, это соблазны, это приманка. Если бы не было этой чудесной лихорадки предварительной игры, этой несравнимой ни с чем радости свершения, то какие были бы шансы свершиться тому, чтобы мужчина и женщина устремились бы навстречу друг другу с единственной целью совершить акт, который, если вам удастся оценить его объективно, выглядит, в общем-то, достаточно нелепо.

18

В большинстве случаев, как только вид получает от четы то, ради чего она образовалась, или когда выясняется, что у членов этой четы ничего не получится, феерия любви рассеивается.

Более или менее быстро исчезает радость находиться вместе, этот свет, вспыхивающий при малейшем контакте, это магнитное поле, которое отделяет чету от действительности, обволакивая ее радугой. Каждый открывает своего партнера, видит его, наконец, таким, каков он есть в действительности, а не таким, каким он его воображал. Но ему не удается таким же образом научиться познавать самого себя. Скорее, наоборот. Каждый обвиняет другого в том, что рассеялись иллюзии и оценивает своего партнера со злобой, то есть несправедливо. Он считает себя выше партнера во всех отношениях и приписывает ему полную ответственность за удручающую ситуацию, в которой они очутились.

В зависимости от того, насколько свирепо реагируют друг на друга два достаточно эгоистичных характера, за пылкой любовью может последовать ненависть, отвращение, безразличие, покорность судьбе, дружба, привязанность или даже нечто вроде новой разновидности любви, гораздо более устойчивой, чем первоначальная привязанность, любви, основанной на лучшем взаимопонимании и минимальной самоотверженности.

В худшем случае возникает ситуация, когда, несмотря на горечь и взаимные упреки. партнеры переживают то, что при современном положении человека является воплощением наиболее интенсивной радости. Наивной радости любви, которая рождается и разрастается, глубокой, истинной радости, потрясающей все существо, даже если сама любовь иллюзорна. Радости единственной, невероятной, предоставляемой видом в тот уникальный момент, когда два представителя противоположных полов соединяются в своей ловушке. Ничто не может сравниться с ней, нет ничего даже отдаленно похожего на нее. Радость возможности погрузиться в интимную глубину бархатного теплого тела и творить там новую вселенную, радость принимать в свое распахнутое нежное лоно бронзовый и одновременно шелковый стержень, радость умереть вдвоем в золотой реке восторга. Соединившаяся пара в этот момент есть ничто иное, как крупица божества.

Предательство! Это всего лишь семя, которое нужно посеять.

Но, ведь именно этого хотел Бог?

Бог?

Следует осторожно пользоваться словами и именами. Бог. Вид. Порядок. Вселенная. Бог?

Но ведь кажется, что жизнь организована кем-то или чем-то.

Очень трудно поверить, что столько чудес, столько хитроумных приспособлений, столько эффективной изобретательности есть всего лишь результат случая и слепого следования законам физики и химии.

Бог?

Всем этим пользовались слишком часто.

Имя Бога использовалось чаще, чем следует.

Когда сегодня его произносят или пишут, в вашем сознании тут же проносится множество образов, целиком занимая его. Очень сложно думать о Боге, не вспомнив при этом Церковь. Следовательно, Бог становится в сознании того, кто думает о нем, таким, каким его изображает Церковь, то есть невозможным. Разные церкви стали преградой между человеческим и божественным.

Бог, в котором мы нуждаемся, чтобы понять пугающие нас тайны, не может иметь ничего общего с той картинкой для детей, которую религии предлагают безразличным верующим. Бог, Создатель, Всевышний — все это годится для вавилонских жрецов в спектакле, разыгрываемом в замке Шателе. Бородатый старец в цветах "Техниколор" на широком экране. Можно заплакать от печали и гнева. Бог. Это имя, которое предлагают нам, потеряло всякий смысл. Его подлинное имя, имя, объясняющее все, скрывалось от нас так долго и так старательно, что его смысл утратили даже те, кто скрывал его от нас.

Бог.

Другого имени нет.

И оно больше ничего не обозначает.

19

Однажды, миллиард лет тому назад, может быть, больше или меньше, это не имеет значения, на стерильной поверхности Земли крупинка инертной материи стала живой. Это было почти ничто, без формы, без запаха, оно не мыслило и ничего не желало, оно было столь мало, что его нельзя было увидеть, это было нечто до смешного ничтожное. Просто на еще мертвой Земле эта частичка пыли начала жить. Вероятно, ей потребовались миллиарды лет, чтобы организоваться и стать клеткой. Потому что клетка, независимое одноклеточное существо, это уже весьма сложный и хитроумно построенный организм. У него нет ног: он отращивает их, когда возникает необходимость, использует для перемещения, а потом снова поглощает. У него нет хватательных органов: он создает их, чтобы схватить приблизившуюся добычу. У него нет рта, чтобы поглощать пищу: при контакте с тем, что он схватил появляется отверстие, заглатывает добычу и снова закрывается. Иногда случается, что добыча оказывается слишком большой для микроскопического организма и он разрывается на части. Ничего страшного: его кусочки сближаются, объединяются, сливаются в одно целое и восстанавливают организм таким, каким он был. У него нет пищеварительного аппарата: все его тело переваривает частицу пищи; поскольку у него нет и анального отверстия, он просто раскрывается в любом месте, чтобы избавиться от отбросов, и закрывается снова…

У этого организма нет ни одного органа: он весь превращается в любой орган по мере необходимости.

Это столь целесообразно организованное существо наименее смертно. Чтобы воспроизвестись, оно делится на две части и каждая из половинок становится отдельным организмом, который, в свою очередь, тоже делится пополам, когда наступает время. И по этому сценарию все происходит для всех половинок, превращающихся в целый организм, если их существование не прерывается внезапно внешними причинами.

Таким образом, все амебы, которые существуют сегодня, являются, по сути, одной и той же амебой, первой амебой, возникшей на заре жизни. Первая амеба, которая жила три миллиарда лет назад, живет и сегодня, и чем больше она стареет, делясь на части, то есть размножаясь, тем меньше становятся ее шансы умереть.

Человеческий разум, по крайней мере, логический разум западного человека, характеризуется тенденцией перехода от

простого к менее простому, от менее простого к сложному, следуя за постепенным усложнением, никогда не теряя при этом путеводную нить и не переставая отмечать связи. Поэтому ему понравилась мысль о том, что эволюция жизни происходила по тому же сценарию, от первой клетки к множеству первых одноклеточных организмов, затем к многоклеточным организмам, потом к организмам, состоящим из объединений дифференцированных клеток, а далее — к бесчисленным проявлениям жизни на сегодняшней Земле.

Наиболее логичные из наших логичных умов утверждают, что так все и было. И нам кажется, что они правы. Но наша логика не способна следовать за ними в тех случаях, когда они, не замечая этого, становятся нелогичными. Когда они пытаются объяснить переход от простого к сложному необходимостью для живой материи все более и более совершенной организации для того, чтобы выжить.

В основе этой гипотезы лежит серьезная путаница, подмена сообществ клеток человеческим обществом. Не вызывает сомнения, что человеку для более надежной защиты потребовалось объединение с себе подобными. Очевидно, что группа людей менее уязвима, чем человек-одиночка, что каждый член группы защищен лучше, чем отдельный человек. Но это неверно по отношению к клеткам. Чем организм совершеннее, тем более он уязвим. Чем больше усложняется организм, тем более смертным он становится. Наиболее совершенные организмы не выживают именно потому, что они совершенны, несмотря на то, что они стали совершенными.

Слона убить легче, чем амебу: достаточно одной пули в мозг. Пуля в масштабах амебы, в какую бы часть ее организма мы ее ни выпустили, никогда не представит собой угрозу для ее жизни.

Разрежьте пополам небольшого ленточного червя: его голова отрастит себе хвост, а хвост — голову, и у вас появятся два червя. Попытайтесь получить тот же результат со щенком…

Достаточно, чтобы в организме человека начала перерождаться одна-единственная категория клеток, например, белые кровяные тельца (лейкемия), чтобы погиб весь организм. Все образующие его клетки, к каким бы категориям они не относились, перестают быть живой материей. Следовательно, сложная организация живого не обусловлена необходимостью защищать жизнь, она не могла возникнуть для защиты жизни. Чтобы защитить жизнь, чтобы позволить ей продолжаться, живая материя с самого начала выбрала лучшее решение. С точки зрения способности выживать, одноклеточная амеба является наиболее совершенным решением. Это очевидно хотя бы потому,

что эта идеальная система осталась основой всех дальнейших изменений; именно используя клетку в качестве строительного материала возникли или были созданы все живые существа, растительные и животные. Но тогда к чему этот переход от амебы к червю, затем к рыбе, к птице, к человеку?

Но был ли этот переход?

Действительно, имеются ступени сложности среди множества живых существ, и не так уж трудно представить себе последовательность, в которой более простые существа заменяются более сложными, расклассифицировать их в соответствии со степенью сложности, создав то, что называется иерархией живых существ, и поместив себя на ее вершине. Но нет доказательств тому, что эта последовательность усложнения соответствует хронологической последовательности и что наиболее сложные организмы появились на Земле после более простых, что каждый вид использовал предшествующий ему вид как материал для более совершенной постройки.

Конечно, нельзя отрицать, рассматривая живую природу как единое целое, независимо от того, образовались ли одни виды из других родственных видов или зародились независимым путем, что существуют переходы от более простого к более сложному. Была или нет эволюция, имеются ступени сложности, наблюдается прогрессивная последовательность от амебы к человеку. Это неоспоримый факт. Эта последовательность не могла возникнуть случайно, потому что случай и прогресс несовместимы. Тем более, она не может быть результатом борьбы за выживание, итогом естественного отбора мутаций, поскольку она идет вопреки безопасности организма. И мы, таким образом, приходим к пугающему выводу: если эта последовательность происходила во времени, если были, как это доказано, сначала исключительно простые живые организмы, потом все более и более сложные, плавающие, летающие, строящие, если все это началось действительно с клетки, чтобы дойти сегодня до преподавателя политехнического института, а завтра дойдет неизвестно до чего, то это удивительно походит на хорошо продуманную операцию, выполненную этап за этапом, по мере выполнения уточнявшуюся, прекращавшуюся и возобновлявшуюся в более и более совершенном варианте, операцию, выполненную хорошо набившим руку подмастерьем.

Кто же этот подмастерье, изготовивший чудовищ мезозоя и ставший гениальным мастером, создавшим птицу?

Природа?

Но что это такое, Природа?

Эта сущность, к которой обращаются рационалистически

мыслящие лица, чтобы объяснить необъяснимое, весьма смахивает на бога, имя которого стараются не произносить и у которого отобрали волю и возможность проявить инициативу. Это пассивная мать-богиня, родившая дитя, не будучи осведомленной о его отце. Эта Природа не способна к совершенствованию. Она не может быть нашим подмастерьем, потому что она не может обучаться.

Тогда… Бог?

Но Бог тем более не может быть подмастерьем. Он тоже не способен совершенствоваться, потому что он уже совершенен.

Если все же именно Он является творцом, то мы можем из этого сделать вывод, что вся эволюция заключалась в самой первой клетке. В ней были записаны все законы. Законы развития клетки, вида, всех видов. Первое зернышко жизни, которое созрело миллиард лет тому назад, было зерном, из которого проросли все растения, покрывающие сейчас Землю. Оно содержало в себе все: леса, стада, нивы и народы, океаны, насыщенные планктоном и китами, несколько миллиардов людей и мозг Эйнштейна.

Может быть, даже больше этого. Потому что Земля, в свою очередь, находится в стадии созревания. Ростки земной жизни скоро оторвутся от родного гумуса и отправятся цвести на звездах, чтобы оставить там свои семена. Земная жизнь, зародившаяся в виде микроскопически малой молекулы, возможно, предназначена для завоевания бесконечного пространства в бесконечном времени. Остается узнать, к чему приведет распространение жизни, которое мы сегодня переживаем и видим вокруг себя на нашей крупинке пыли, если завтра это распространение охватит планеты, немного позже всю Вселенную; чем наполнит наши сердца это космическое распространение явления, до сих пор, возможно, носившего уникальный характер, но которое способно превратить инертную материю в материю чувствующую- восторгом или ужасом?

Потому что наша жизнь в том виде, в котором мы живем, жизнь, которую мы знаем, это прежде всего страдание и убийство.

20

Икру любит не только человек. Когда самка рыбы, увлеченная весной, откладывает миллионы икринок, которые раздувают ей брюхо, за ней следует вереница любителей этого лакомства, поглощающих икринки по мере того, как они откладываются. То же самое мы проделываем с курами. Это кажется нам в порядке вещей и ничуть не беспокоит нас, потому что человек — не рыба и не курица, он не откладывает икру и не несет яйца.

Но если кто-то вздумает поедать наше потомство?

Поедать чужих детей, да и родителей вместе с ними — это общее правило, главное условие сохранения жизни Сколько бы не появлялось чудесных изобретений, поставленных на службу живым существам, сколько бы не тратилось ума на их обучение, сколько бы ни принималось серьезнейших мер, чтобы они множились и род их продолжался, все это было бы совершенно бесполезно, не будь в мире убийства.

Ни одно живое существо не может продолжать свое существование, если оно не убивает. Самый добросердечный из людей одновременно является убийцей ягнят, соловей насыщается трупами насекомых, очаровательный детеныш тюленя — это пожиратель сельдей, и сама селедка…

Газель тоже нельзя считать невинной. Трава, которую она щиплет, почки, которые она срывает, тоже живые. Убийство — это главная необходимость жизни. Жизнь судорожно распространяется, уничтожая жизнь. Любое живое существо пожирает другие живые организмы и соединяется с особями противоположного пола, чтобы создавать новые жертвы для пожирания. Корова, принесшая теленка, который вскоре закончит жизнь под ножом мясника, подставляет себя быку, чтобы принести новых телят, которые, в свою очередь, пойдут на мясо. Куры, лишенные сна и возможности двигаться в тесных клетках под круглосуточным ярким электрическим светом, откладывают каждый день по два яйца. Это правило. Чем хуже условия существования вида, тем выше его плодовитость. Потому что главное — чтобы не исчезла каждая ветвь жизни. Необходимо, чтобы любые живые организмы непрерывно создавали новые организмы, чтобы другие живые существа могли пожирать их.

Может быть, вы улыбнетесь, прочитав эти фразы. Вы думаете, что по крайней мере человек выпадает из этой закономерности, что он имеет право поедать кого угодно, но что его никто не ест. У вас в семье никогда не случалось ничего драматичного? Ваша жена, ваша мать, ваш ребенок никогда не болели так, что вы уже

видели смерть на их лицах и не надеялись, что медицина окажется в силах помочь им? Но ведь причиной этой болезни была другая форма жизни, которая паразитирует на человеке и пожирает его.

Каждый день миллиарды микроскопических живых существ бросаются на вас в атаку. Ваш организм защищается жидкостью ваших слизистых оболочек, растворяющей микробы, ваши антитела отравляют их, ваши белые кровяные тельца поедают их. Если же это не помогает, в ход идут антибиотики, антисептики, тысячи видов химического оружия, а иногда и нож хирурга. Тем не менее, вы хорошо знаете, что рано или поздно ваши враги победят, и ваше гниющее тело будет пожрано микроорганизмами.

К чему, к чему эта свирепая, никогда не прекращающаяся схватка живого против живого? То, что происходит в глубинах океана отличается такой жестокостью, что мы запрещаем себе думать об этом. Каждая рыба, похоже, без всякого для этого основания, обладает ненасытным аппетитом и проводит жизнь в попытках утолить его, заглатывая всех более мелких рыбешек до того момента, пока ее саму не проглотит более крупная рыба. Некоторые хищники способны за несколько часов проглотить живую добычу общим весом, равным их собственному весу. Подумайте о судьбе проглоченной рыбы! Постарайтесь немного напрячь ваше воображение. Попробуйте представить себя на ее месте… Вот вы живым стиснуты холодной слизистой оболочкой, выделяющей кислоту. Ее жестокая жгучесть сначала набрасывается на самое уязвимое в вашем теле: глаза, рот, анальное отверстие, половые органы, органы дыхания. Нет, вы не умрете слишком быстро, это было бы слишком просто. Нет, вы будете переварены живьем, начиная с кожи на всем теле. При этом, вы не можете кричать, вы немы, вам не удается произнести ни единого звука…

Если бы неожиданно голубая поверхность вод, по берегам которых мы влачим наше безразличное существование, оказалась прорвана воплем, соответствующим сумме скрывающихся под ней страданий, мощь этой жалобы, сила этого крика была бы такой, что все воды океана могли взлететь в пространство, прямо в лицо Создателю этого ужаса.

В обед вы съели замечательную, хорошо прожаренную котлетку. Разумеется, вы не подумали о ягненке, от которого она была отрезана после того, как ему ножом перерезали горло и накачали через анальное отверстие воздухом, чтобы кожа отстала от мышц. Нет, вы не подумали о ягненке. Никто никогда не думает о том, кого он поедает. Я тоже обожаю котлеты. Пожалуй, съем-ка я еще одну…

А теперь представьте, что существа, прилетевшие из бесконечных глубин мироздания, однажды высадятся на Земле… Сейчас считается, что это достаточно вероятное событие. Не исключено, что жизнь — это исключительно земной феномен. Но она может быть и космическим явлением. В последнем случае вполне возможно, что где-то есть существа, превосходящие человека настолько же, насколько он превосходит выращиваемого для котлет ягненка.

Представьте, что они прилетают и завоевывают Землю. Затем они пробуют нас и находят наш вкус великолепным.

Среди специалистов, занимающихся космическими проблемами, распространено представление, что если высшие существа когда-нибудь высадятся на Земле, они будут руководствоваться исключительно благими намерениями. Но это весьма рискованная гипотеза.

Баран, несомненно, более разумен, чем трава, которую он ест. А человек разумнее барана. Итог? Значительное превосходство в интеллекте не может не вызвать полное безразличие высшего существа к судьбе низшего. Женская чувствительность легко разыгрывается при мысли о зарезанном ягненке — что, впрочем, не мешает появляться на сцене бараньей отбивной — но самая нежная девушка останется безразличной, когда разбивают яйцо и выливают его на сковородку с кипящим жиром или когда начинает работать мельница, истирающая в муку зерна пшеницы. Это слишком незначительные формы жизни, чтобы волноваться о их гибели.

Возможно, что имеется столь же существенное различие в интеллекте между ими и нами, как между нами и пшеницей или, в крайнем случае, между нами и коровой. В этом случае, если наша плоть не вредна для их метаболизма, ничто не помешает им рассматривать нас в качестве пищи. Мы можем кричать, жестикулировать, жаловаться, пытаться объяснить им, они поймут нас не лучше, чем мы понимаем муравьев…

Несмотря на наш "высокий разум", что мы понимаем в песне соловья? И разве наша разумность мешает открытию очередного сезона охоты?

Итак, вообразите, что ОНИ прилетели, что ОНИ обосновались на Земле, что ОНИ выращивают нас, откармливают нас и поедают. Что вы думаете о котлете из жителя пригорода? А вот ваш сын — и вы сами — это на завтра. А пока вы частью висите, словно туши в мясной лавке, подвешенные за сухожилия, а остальное хранится в холодильнике…

Это не более ужасно, не более ненормально, не более несправедливо, чем съесть бифштекс или телячью ножку.

Но почему мы едим телячью ножку? Почему растение поедает воздух и землю, травоядное поедает растения, хищник — травоядное и человек — все вместе, включая самого себя?

Зачем нудно убивать?

Чтобы выжить.

А зачем выживать? Чтобы убивать?

Если нет другого объяснения, если нет ключа, чтобы проникнуть в этот круг абсурда, если нет никакого основания существованию этой невероятной, чудовищной пирамиды ужаса, на вершине которой находится человек, то нам не следует больше удивляться высшими результатами человеческой деятельности: водородной бомбой, отравляющими газами, лучами смерти, всему этому фантастическому оружию, о котором болтают преисполненные гордости высшие военные чины а еще чаще молчат.

Распространение тотального оружия вполне логично. Оно появляется как вершина человеческого разума, который является вершиной жизни на Земле. Оно является подходящим плодом этого удивительного абсурдного древа, сок которого — это пролитая кровь.

21

Все начинается с зернышка. Как только случай или сеятель бросят его во влажную землю, записанные в нем приказы тут же начинают действовать. Оболочка зерна лопается, оно раскрывается, выпускает щупальца в гумус и начинает пожирать его. Оно выпускает вверх стебелек, который выбирается на поверхность почвы, разворачивая листочки, и они тут же принимаются глотать воздух и свет. Так все начинается. Зернышко размером с ноготь ребенка питается сначала землей и водой, потом воздухом и светом, создавая из всего этого живой дуб высотой в тридцать метров. Несколько зерен создали из земли, воды, воздуха и света хлеб, который вы едите. И этот хлеб становится вашим живым организмом. Под ковром зеленой травы густая сеть бесчисленных перепутанных корней высасывает из земли полезные вещества. Потом корова или овца подстригут ковер свежей травы и вы сможете съесть котлету или филе из их мяса.

И котлета и хлеб превратятся в ваш живой организм. Земля, вода, минеральные соли, азот, углерод, эта неорганизованная инертная материя становится хлебом и травой, потом овцой и бифштексом, потом вами. Она становится живой.

Земля, вспоротая лезвием плуга, ничего не ощущает. Но теперь, если вы попадаете под автомобиль, земля может завопить с помощью вашего рта… Углерод, кислород будут мучиться, когда у вас заболят зубы, страдать вашими печалями, радоваться вашей возлюбленной, ходить в кино. Кусок зарезанного барана, превратившись в вас, примется поедать другого барана. Соки, высосанные редиской из гумуса, сейчас читают эту книгу и у них складывается определенное отношение к ней. Земля, превратившаяся в вас, ставшая живой, размышляет, думает, задается вопросом, что заставляет ее жить. Если жить означает только радоваться и страдать самому, заставлять страдать других, убивать и умирать, она наверняка пожалеет, что не осталась мертвым камнем.

22

Есть только одно различие между камнем и человеком, между бесчувственным и страдающим, между тем, что не способно мыслить и тем, что стремится познать все, между тем, что питает розу и тем, что обоняет ее аромат. Это различие — жизнь.

Материя из которой состоит безжизненное тело человека и материя, образующая камень, это одинаковый агломерат молекул и атомов, блуждающих по воле случая, зависящих от аппетита бактерий и личинок, от химических характеристик предмета.

Живая материя началась на Земле, по-видимому, с одной молекулы. Наши химики знают ее вес, ее формулу и дали ей имя. Это дает основание утверждать, что мы можем надеяться вскоре раскрыть "секреты" жизни. Подобные выводы характерны для крайне живых умов, бросающихся на выводы словно блохи, прыгающие на нос голодного пса. Нет ничего невозможного в том, что в ближайшее время кто-нибудь из биологов торжественно объявит, что он создал живое в пробирке, настоящее живое, способное организоваться, развиваться и, возможно, воспроизводиться. Сможет ли он с полным на то основанием претендовать, что он познал жизнь? Познает ли он ее в действительности только потому, что он объединил условия, в которых жизнь может проявиться, что он увидел, как его искусно составленный препарат внезапно ожил? Будет ли он знать, каким бы жалким ни оказалось это знание, что такое жизнь?

Мы превратились в опытных электриков после изобретения Франклином громоотвода и мистером Эдисоном лампочки с нитью из обугленного бамбука. Мы освещаем наши континенты, мы посылаем красный лазерный луч, чтобы осветить какой-нибудь кратер на Луне, мы изготовляем, передаем, используем в тысяче видов огромные количества электрической энергии, но кто осмелится претендовать на то, что он знает электричество? Мы накапливаем его, не видя, с чем имеем дело, мы овладеваем им, не касаясь его, мы передаем его по миллионам километров проводов не будучи уверенными, что оно действительно перемещается, мы используем его свойства, не представляя, что именно приносит нам пользу. Электричество может предоставить нам сказочные количества энергии, но оно не является энергией. Возможно, электричество находится в основе сцепления всех частичек материи, но оно не является материей. Мы совершенно ничего не знаем о природе электричества. Мы окружили его оболочкой законов и ограничений, но внутри этой тюрьмы нет

ничего, что было бы доступно нам, нашим чувствам и нашему разуму. Оно полностью неподвластно человеческому пониманию. Оно находится за пределами всего человеческого.

Но жизнь — это еще более сложное явление. Жизнь не бывает пассивной, как электрический ток, это целенаправленная, организующая развивающаяся сила, устанавливающая для всех своих элементов — от клетки до вида — законы, которые никто не может нарушить, неуклонно устремляющаяся ко все более и более высокому уровню сознания и превращающая подобранный ею комок грязи в нобелевскую премию. Жизнь, которая была передана нам и которую мы передали дальше, которая заставит нас умереть, которая продолжается с начала существования Земли будет продолжаться дальше. Жизнь, организующая убийство всего живого, жизнь восхитительная, невыразимая, жестокая, неуловимая, непостижимая…

Мы можем знать о жизни не больше, чем бутылка знает о наполняющем ее вине. Но бутылка, по крайней мере… Вот, наконец, нечто такое, что можно ухватить! Нечто видимое, твердое, тяжелое в крепкой мужской руке! Вот, наконец, хоть что-то осязаемое!

Неужели?

Хорошо знакомая нам материя, "материальная" материя, из которой мы состоим, мы и наш мир, вы и ваша тарелка для супа, и сам суп, и сыр, и ваша жена, и ваш любимый сынишка, и вы сами, дерево моего письменного стола, моя авторучка, моя рука, моя рубашка, мое сердце, все это и все остальное; и все это скользит у вас сквозь пальцы, растворяется, исчезает неуловимым дымком, даже не дымком, а ничем…

Живое или инертное тело, камень, гвоздь или колено, слон или вошь равным образом состоят из молекул, молекулы состоят из атомов, атомы — из частиц, одни из которых собираются в ядро, вокруг которого вращаются другие.

Но это ядро ничтожно мало, и частицы, носящиеся в его окрестностях, еще меньше, так что можно считать, что атом почти целиком состоит из пустоты. Из пустоты. Не из пространства, заполненного какой-то легкой, неуловимой, прозрачной жидкостью, а из пустоты. Из абсолютного нуля. Из ничего.

Подсчитали, что если собрать в одном объеме все населяющие Землю человеческие существа и устранить пустое пространство из слагающих их атомов, то все частицы, из которых состоит человечество, едва заполнят один наперсток.

Один наперсток частиц и огромный объем пустоты чтобы создать три миллиарда людей! Да, кто бы ни был строителем, он умеет экономно расходовать кирпичи!

Но эти кирпичи, эти частицы, этот исходный материал, лежащий в основе материи, достаточно ли он надежен? Является ли он хоть чем-нибудь? Моя рука, мое сердце, дерево моего письменного стола, плечо моего сына — можно ли опереться на все это?

Будьте осторожны. Что касается этих частиц, то те, кто лучше всех изучил их, задаются вопросом, не являются ли они просто порциями движущейся энергии? И не делятся ли они в свою очередь на бесконечно меньшие частицы, также разделенные пустотой, для которых также нет оснований не состоять из более мелких частиц, разделенных пустотой, и эти частицы, какими бы ничтожными они не были, могут состоять все дальше и дальше из более мелких, еще более мелких, еще более мелких…

Все это выглядит достаточно удивительным, достаточно пугающим, но следует добавить, что эти частицы находятся в столь быстром движении, имеющем столь необычные характеристики, что их положение может быть определено лишь с большой долей вероятности. Это означает, что в любой данный момент они находятся не здесь, не в другом месте, а только где-то…

Твоя жена, твое сердце, мой суп, моя рука, ты сам… состоящие из вихрей пустоты, которые никогда не находятся здесь? Суета сует, говорит неизвестный автор Екклесиаста, все есть лишь суета. Вероятно, он сказал это на шумерском языке. Возможно, до того, как началось строительство Вавилонской башни. Потом это было повторено на арамейском, древнееврейском, греческом, латинском:

Суета…

Происходит это слово от Vanus, что означает: ПУСТОТА.

Наука открыла это в свою очередь.

23

Наперсток, заполненный вихрями пустоты — это человечество.

Разделите наперсток на три миллиарда. Возьмите свою часть. Вот это масса! Это человек. Я.

Я, пишущий эту книгу…

Я, читающий ее…

Я, одна трехмиллиардная содержимого наперстка.

Вот твердая сталь — это пустота, множество вихрей, ничто. А это нож, который есть всего лишь ноль. Вот моя рука, она такая же. И мое сердце… Тем не менее, эта рука-ноль хватает нож, состоящий из пустоты, и вонзает его в сердце, состоящее из ничего…

Ай!

Жизнь, смерть, страдание не помещаются в наперстке.

24

Мое сердце и нож существуют. Мое сердце потому, что оно кровоточит, нож потому, что вспарывает мою плоть. Мир есть то, что он есть, сложнейшее сооружение силовых вихрей в бесконечности пустоты, но он есть и то, что я ощущаю, вижу, касаюсь, то, что я беру от него и то от него, что сталкивается со мной. Он таков, каким его улавливают мои чувства и каким показывают его мне. Мои чувства… Их так мало. Пять чувств: один-два-три-четыре-пять. И это все.

Шесть-семь-восемь-девять-десять не для нас. И мы совершенно не способны представить, как выглядит мир для разумных существ, наблюдающих его через посредство чувств, абсолютно не похожих на наши. Ведь воображение — всего лишь игра памяти, использующая для сооружения объектов то, что оно знает. Оно не способно конструировать, используя невидимое, неосязаемое. Оно не может представить то, что не известно человеку. Оно замкнуто в границах, воздвигнутых на грани возможностей наших чувств. Все, что находится за этими пределами, непознаваемо. По эту сторону его чувства и его разум, который работает над тем, что поставляют ему чувства, создает видимость мира, которая является не правдой, а реальностью.

Я знаю, что мир — это пустота, пронизываемая игрой движущихся сил, что инертная материя переполнена движением и что нет никакой существенной разницы между пригоршней земли и щечкой ребенка. Но этот мир я не способен познать в его истине, потому что эта истина не подвластна моим чувствам, а мой разум, который способен лишь констатировать существование мира, бессилен представить его. Я знаю из этой истины лишь одну из ее видимостей, ту, которую сообщают мне мои одно-два-три-четыре-пять чувств. Эта видимость не является правдой, но это истина. Она неполна, неточна, но все же это истина. Истинная для меня, она уже немного иная для вас, ложная и неприемлемая для существа с чувствами шесть-семь-восемь-девять-десять.

Или для существа с чувством минус одно.

Эти создания существуют. Чтобы обнаружить их, нет необходимости отправляться на Сириус или хотя бы на Луну. Достаточно сделать несколько шагов в ваш сад…

Конец дня. Со свода листвы на землю опускается приятная прохлада. Но остерегайтесь вечерней свежести, набросьте на плечи шерстяной платок. Идемте со мной. Последний луч солнца перехватило там, высоко, небольшое розовое облачко… нет, оно

уже стало фиолетовым. Белое пятно в почти черной тени за кустом смородины: это кот, устроивший вечернюю засаду перед норой садовой мыши. Остановимся здесь. Это грядка римского салата. Его аромат, едва уловимый, слегка горьковатый, понимается к вам. Вы ощущаете голод и жажду, потому что этот запах напомнил вам полупрозрачный хрустящий лист, свежий, словно родник, который так приятно ухватить пальцами в салатнице еще до того, как вы усядетесь за стол чтобы очистить ваш язык и зубы от вкуса табака и от произнесенных слов, чтобы ваш рот стал чистым, новеньким, как ваш аппетит. Невинным.

А вы никогда не задумывались над тем, что может чувствовать лист салата, срезанный живьем, посыпанный солью и политый уксусом, когда его начинают дробить ваши крепкие зубы? Прислушайтесь, как живут листья салата. Задержите дыхание. Листья вытягиваются, распрямляются в усиливающейся свежести. Да, вы улавливаете проявления их жизни, вы ощущаете их живой аромат. Это действительно живые существа… Садитесь прямо на землю посреди зеленых листьев. Вы чувствуете необычно теплую землю под ладонями, в то время, как воздух, стекающий с вишни на ваши плечи становится все более и более свежим… Не шевелитесь, дышите медленнее. Реже, еще реже. Покой. Тишина. Постарайтесь почувствовать себя салатом…

Разумеется, это невозможно. Может быть, из-за атаковавшей вас эскадрильи комаров… А в это время улитка принимается грызть край листа салата. Да, у вас даже враги разные. Вас поедают совершенно разные существа. Вы встаете, отряхиваете с себя вечерние призраки, закуриваете сигарету и медленно идете к освещенной двери. Вам нужно занять свое место в мире людей. Но вы уже не столь цельны, не столь спокойны, не столь надежно укрыты безопасной оболочкой своего эгоизма. Хочется вам этого, или нет, но вы почувствовали связи, объединяющие все виды живой материи, вас и ваш салат, комаров и улитку. И листья вишни. Все живое, вышедшее из теплой земли под вашими ладонями. Теперь вы знаете, что салат, смородина и стебли помидора — это живые существа, как вы. Точно так же, как вы, они находятся в контакте с внешним миром, как вы, они погружены в среду, с элементами которой непрерывно общаются.

Достаточно очевидно, что у них имеются возможности познавать эту среду; ведь иначе стебель злака не направлялся бы непреклонно вверх, листья эвкалипта не поворачивались бы к солнцу боком, а цветок подсолнечника — всей поверхностью. Этот выбор направления или положения ученые, изучающие растительную жизнь, назвали геотропизмом или фототропизмом, положительным или отрицательным. Они частично разобрались в

физико-химических механизмах, позволяющих растению действовать в соответствии с его выбором, и заявили, что мы имеем дело с автоматической реакцией, не представляющей проблемы…

Мы сегодня почти точно знаем, какая последовательность процессов заставляет подниматься вашу руку, когда вы хотите этого: микротоки, исходящие из мозга, попадают в мышцы, производят химические изменения мышечной ткани, вызывающие ее сокращение и т. д.

Это не мешает тому, что вы хотели поднять руку.

Не имея возможности исследовать в пробирке, объяснить путем исследования энцефалограмм зарождение, формирование и реализацию распоряжения воли, специалисты дали этому неуловимому явлению название "проявление воли" и почувствовали облегчение. Кое-кто даже решил, что больше и объяснять нечего. Эта категория ученых, впрочем, быстро исчезающая, которых я назвал бы благоучеными по аналогии с благонамеренными, считает, что тайна, получившая название есть тайна раскрытая. Спросите у принадлежащего к этой категории ботаника, почему маргаритки поворачиваются вслед за солнцем и разом закрываются, как только солнце садится, почему почти белое весеннее поле становится за несколько минут зеленым примерно в пять часов вечера?

Он ответит вам с великолепной уверенностью: это фототропизм! И он будет искренне верить, что объяснил вам все.

Подсолнух и маргаритка "чувствуют" солнце. Вот глагол, который имеет достаточно различных значений, чтобы ничего не объяснять. Поэтому я и могу употребить его здесь. Потому что я не знаю, потому что мы не можем знать, какие ощущения у маргаритки вызывает падающий на нее луч солнца. У маргаритки нет ни глаз, ни носа, ни ушей, ни языка, ни пальцев, ни насыщенной нервными окончаниями кожи. Тем не менее, у нее есть возможность использовать какое-то чувство, чтобы определить, что она освещена солнцем. Но какова форма этого ощущения? То, что является теплом для нашей кожи, светом для нашего глаза, что это для маргаритки? Даже в случае, если бы у нас с маргариткой был общий язык, она не смогла бы объяснить нам, что такое для нее солнце. Попытайтесь объяснить слепому от рождения, что такое свет, краски, горизонт…

Но ведь он слышит вашу речь. Он знает используемые вами слова и считает, что представляет, что вы имеете в виду, когда произносите: "красный", "облако", "далеко"…

И все же…

Слепой от рождения после операции приобретает способность

видеть. И он понимает, и окружающие его с удивлением понимают, что он не знал, что такое "прямая линия"! Когда ему говорили, что эта линия прямая, он узнавал слово "прямая", но представлял себе кривую линию! Это получилось потому, что когда он проводил рукой по прямолинейному краю стола, по стыку двух стен, ему казалось, что он ощущает кривые линии. Когда он получил зрение, его вначале просто пугало пространство, расстояние между предметами. В своем мире слепого, он имел дело только с ближайшими предметами, с которыми он мог непосредственно вступить в контакт. Когда он перемещался, он передвигался от одного ближайшего объекта к другому.

Пространство для него было чистейшей абстракцией. Он знал о его существовании, он жил и перемещался в нем, но у него было не больше возможности представить себе пространство, чем у нас возможности представить время. Мы перемещаемся от одного мгновения к другому, не видя времени, подобно тому, как слепой перемещается от одного предмета к другому, не видя пространства.

Может быть, существуют создания, способные видеть время… Я написал "видеть" потому, что не знаю, какой глагол характеризует возможность восприятия времени; впрочем, для меня настолько же нереально понять смысл этого глагола, насколько слепому нереально понять смысл глагола "видеть".

Может быть, у маргаритки есть другие чувства, в том числе и позволяющее ей улавливать солнечные лучи. Может быть, дуб, остающийся неподвижным в течение веков, находится в центре вселенной, не представимой для разума человека, существа подвижного и короткоживущего. День для дуба соответствует вдоху, ночь — выдоху, весна и лето — это его день, осень — вечер, к которому он приходит утомленным, зима — его ночной отдых. Он живет в другом масштабе времени и пространства, в котором он существует застывшим на месте, у него другие возможности познания и другое сознание. Какой бы ни была его вселенная, она истинна, так же, как истинна вселенная слепого без прямых линий и вселенная существа, способного "видеть" время.

Мир бесконечен не только во всех пространственных направлениях, но в своих истинах.

Если существует жизнь за пределами Земли, если где-то есть другие живые существа, то было бы удивительно странной случайностью, невероятным совпадением, чтобы они располагали теми же чувствами, что и мы. Очень мало вероятно, чтобы при бесконечном количестве возможностей понимания и восприятия

они оказались владельцами тех же чувств, что и мы.

Но если их чувства будут другими, то и их мир будет не похож на наш. Когда мы рано или поздно встретимся с ними, мы не сможем их понять. Проявления их разумности останутся незаметными для нас, и мы не сможем добиться, чтобы они заподозрили наличие разума у нас. Ученые с мыса Кеннеди пытались определить, какие символы, имеющие абсолютное значение, они могли бы использовать при встрече с другим разумным видом. Прежде всего, они подумали о математике. И они решили направиться к Чужим с теоремой Пифагора, рассматриваемой как ключ к познанию. Действительно, зависимость между сторонами прямоугольного треугольника не зависит от языка или от специфики цивилизации. Теорема будет справедлива и для негра банту, и для эскимоса, и для работника мыса Кеннеди. Равенство квадрата гипотенузы сумме квадратов катетов — это универсальная истина. Точнее, универсальная для человеческого мира. Для мира, построенного на основе данных, собранных за миллион лет с помощью чувств один-два-три-четыре-пять-шесть.

Но существо с чувствами шесть-семь-восемь-девять-десять или то высшее существо, которое способно "видеть" время и обладает шестью дюжинами чувств, если в их число не входят чувства человека, вполне может не иметь представления о том, что такое план, что такое угол…

Как тогда построить треугольник и описать гипотенузу?

25

Проведите рукой по прямолинейному ребру вашего письменного стола. Понаблюдайте при этом за вашим локтем. Вы увидите, какую сложную линию он опишет, какая кривая отразит его перемещение. Если бы у вас не было глаз, чтобы увидеть, что край стола представляет из себя прямую линию, как вы могли бы представить ее через посредство такого извилистого движения?

Благодаря своему устройству, рука, одна оконечность которой свободна, а другая зафиксирована, может осуществлять только криволинейное движение. Слепой своими двумя руками изучает пространство вокруг себя и создает вселенную, все элементы которой закруглены. Получается своего рода мозаика из обломков раковин. Ему ничем не может помочь и слух, потому что звуки приходят к нему со всех сторон сферы, центром которой он является.

Мы ни в чем не превосходим слепого. Все наши рассуждения остаются привязанными к нашему телу, даже если мы распространяемся мыслью до звезд. Наши чувства и наш разум строят для нас вселенную, заключающую нас в себе подобно кокону. Он содержит вместе с нами все, что мы способны познать с помощью все тех же наших скудных чувств (один-два-три-четыре-пять) и все то, что может извлечь из этого наша логика. Ничего иного не может проникнуть внутрь нашего кокона, ни один из нас не способен покинуть его.

Каждое новое знание, каждая смелая мысль только увеличивают толщину окружающей нас стены. Иногда припадок клаустрофобии заставляет нас бросаться на эту стену головой вперед. Но она неизбежно отбрасывает нас назад, в доступное нашим чувствам и нашему разуму. Мы не можем выйти за ее пределы, опираясь на то, что мы знаем. Точно так же, ни один человек не может поднять сам себя за волосы.

Нам не нужна дверь в этой стене. Нам вполне хватило бы окна, небольшого иллюминатора, ничтожного прозрачного участка. Мы жаждем увидеть то, что находится за стенами нашего жилья, чтобы понять законы архитектуры всего города.

Религии претендуют на то, что они открывают нам глазок. Чтобы заглянуть в него, нужно взобраться на стул, но, едва мы оказываемся перед глазком, как отверстие оказывается закрыто туманным зеркалом, в котором смутно вырисовывается силуэт бородатого великана, похожего на нас. Но мы ищем совсем не своего дедушку. Мы хотим познать Правду, скрывающуюся за нашей реальностью и за всеми возможными реальностями. Мы

хотим знать, на каком основании существует наша вселенная и все прочие вселенные. И так ли уж необходимо, чтобы камень становился человеком. Действительно ли существует цель, к которой устремлена поразительная энергия, безжалостная организация, вечные и ослепительные чудеса жизни.

Существует ли оправдание чудовищным, отвратительным страданиям всего живого.

26

Мы никогда не узнаем запах галактики.

Мы никогда не сможем услышать звуки, издаваемые атомом.

Наши чувства ограничены не только их числом, но и их возможностями.

Мы многое не можем познать, мы ничтожно малы, мы меньше, чем ничто, жалкие пассажиры жалкой пылинки. Наши радары, телескопы и микроскопы не являются органами наших новых чувств, а всего лишь жалкими продолжениями, которыми мы пытаемся снабдить наши природные чувства. Радиотелескопы позволили нам открыть и изучить галактики, находящиеся от нас на расстоянии в миллиарды световых лет. Это значит, они так невероятно далеки, что испускаемый ими свет, путешествующий со скоростью около миллиарда километров в час, затратил миллиарды лет, чтобы долететь до фотографической пластинки в руках наших астрономов…

Фантастическое расстояние. Для нас, да. В масштабе Земли и того, что находится на ней. Но само по себе? По отношению ко Всему?

Мир, материальной частью которого мы являемся, есть ничто иное, как вихрь множества вихрей, повторяющихся на самых разных уровнях — от элементарных частиц к атомам, от атомов к солнечным системам, затем от солнц к галактикам, от галактик к Вселенным…

И сами Вселенные, возможно, есть ничто иное, как частицы, вращающиеся одна вокруг другой в атоме одной из молекул песчинки…

Мы захвачены этим вихрем, но совершенно не представляем, ни откуда он берется, ни куда он нас увлекает. Мы даже не знаем, что такое мы сами. Потому что организация нашей живой плоти столь же непознаваема, как и мир. Мы не можем ничего знать о подлинном хозяине нашей плотской жизни, который в каждый ее момент командует каждым из наших органов, каждой из миллиардов наших клеток. Этот никогда не ошибающийся и не засыпающий распорядитель не является частью того фрагмента Вселенной, внутренней или внешней, которую дозволено изучать нашим чувствам. Мы не в состоянии ни коснуться, ни услышать, ни почувствовать, ни увидеть нашего подлинного хозяина, мы не можем ничего знать о водителе машины, отупевшим пассажиром которой является наше сознание.

То, что мы в состоянии узнать о творении соответствует нашим масштабам. Движущиеся пространства ступенчато и

бесконечно распространяются во всех направлениях, а мы находимся на перекрестке с двумя нашими такими короткими руками, продолжением наших плеч, перед стеной, ограничивающей наше познание, на расстоянии вытянутой руки.

Но и то немногое, что мы в состоянии усвоить, оказывается слишком огромным для нас. У нас нет времени. Мы ограничены и в этом направлении. Наша жизнь невероятно кратка. Жалкая вспышка.

Вселенная, которую мы в состоянии познать, наша Вселенная, замкнутая вместе с нами в ограниченном пространстве наших возможностей, может быть изучена лишь на протяжении бесконечного количества человеческих жизней.

И если когда-нибудь вечный человеческий разум распространится до пределов этого познания, ему достанется лишь горький осадок встречи с непознаваемым.

27

Возможно, имеется другой способ. Если отказаться от стремления узнать, а пытаться понять.

"Мое бедное дитя", сказал мне однажды почтенный старичок-кюре, взволнованный моими страхами, который давно обрел покой в автоматическом выполнении обрядов детской веры, "мое бедное дитя, это великие тайны, не пытайтесь понять их…"

Нет. Как раз нет. Возможно, я никогда не достигну этого, но до последнего своего дыхания я буду стремиться именно понять. Понять, где я нахожусь и что есть я, что я делаю и к чему все это. Это тело, построенное без моего ведома, живущее без моего вмешательства, этот разум, замкнутый в жалкой оболочке, зачем они существуют вместе? К какой цели устремляются они в океане материи? Эта страдающая и наслаждающаяся плоть, распоряжающаяся мной, созданная из пустоты, но способная кровоточить, получившая из бездны времен в дар жизнь, которая вскоре покинет ее, отдав гниению, этот разум, едва успевший родиться прежде чем ему придется угаснуть, я хочу понять, понять, понять, почему они соединены, почему так плохо подогнаны друг к другу? И есть ли у них есть определенная роль, есть ли место в мироздании — может быть, где-то между салатом и галактикой?

Цель каждой религии — разъяснить человеку, что такое творение, какое место занимает в нем человек и какую роль он играет. И никогда, никогда, никогда не говорить ему: "Не пытайтесь понять".

Цель каждой религии — установить четкие связи между человеком и остальным миром. И никогда, никогда, никогда не воздвигать между миром и человеком стены иллюзий и дымовые завесы.

Роль священника при этом — взять верующего за руку и подвести по пути ритуала к истине.

Посвящение в тайны, ключ, который дается неофиту, это объяснение, помогающее ему понять. Высшее озарение, о котором говорят мистики, это озарение понимания. Для них все ясно. Но разве могут дать ключ те, кто потерял его, указать путь те, кто давно не представляет, что этот путь существует? Разве могут объяснить все те, кто давно ничего не знает?

28

Древние религии, лишенные всякого содержания, подобные висящим на весеннем дереве сморщенным и высохшим прошлогодним плодам… Суетливые кюре, жирные епископы, домашние пасторы, извлекающие из своего сознания обрывки правильных фраз, чтобы пичкать ими свою паству, средневековые раввины, бонзы, у которых волосы на голове сбриты до самых мозгов, все они потеряли Бога на затерянных путях с тех времен, как они начали надоедать нам. Они еще могут вспомнить имя, могут изобразить облик. Облик по образцу их облика, имя, засиженное мухами. Бог. Какое же другое имя можно дать ему?

29

Люди прошлого века, свирепые бородачи 80-х годов были убеждены, что достигли пределов познания. Разобравшись с электричеством и эволюционизмом, они получили ключи от Вселенной. Их разум не оставлял в тени ни малейшего закоулка. Они были уверены в себе. И такими же были священнослужители. Все это породило известные баталии. Сегодня редкие волоски из бороды еще встречаются в лабораториях, но спокойная уверенность улетучилась. И Церкви, ощущающие, как их изнутри разъедает пустота, сближаются друг с другом подобно кучке больных кур в углу курятника. Несомненно, не терпимость вызвала к жизни экуменизм, а беспокойство. Он свидетельствует не о возрождении, а о малокровии.

И сегодняшний человек, ослабленный рационализмом и иррациональным, ковыляет подобно калеке, у которого отняли костыли.

Ему нужно будет научиться ходить.

Или он упадет.

Или он взлетит.

30

Какой бы точкой зрения ни воспользоваться, трудно поверить, что мир представляет собой беспорядочную груду, нагромождение материальных объектов, собранных на скорую руку и тщательно перемешанных случайными импульсами энергии, подобно тому, как перемешивается яичный белок, когда вы взбиваете его метелкой. Изучение любых объектов, от бесконечно больших до бесконечно малых, от незначительных деталей до грандиозных ансамблей, показывает, напротив, что все упорядочено. Все не только упорядочено, но и организовано. Оказавшись лицом к лицу перед специфическими проблемами, которые ставят этот порядок и эта организация, наиболее рациональным решением будет удовлетвориться ответом на вопрос "как?" Узнав, как разворачивается последовательность тех или иных явлений, выяснив, как функционирует тот или иной космический или биологический механизм, можно почувствовать удовлетворение. Мир существует, он так устроен. Ни к чему копаться дальше и пытаться разузнать еще что-нибудь.

Все это очень похоже на "не пытайтесь понять" моего знакомого почтенного кюре.

Хорошо, да простится это мне, но до тех пор, пока во мне сохранилась хотя бы дыхание жизни я буду стараться узнать больше и больше, даже если все мои усилия и мое желание позволят мне подняться выше хотя бы на одну-единственную ступеньку.

Поведение пойманного волка, который безостановочно мечется взад и вперед за решеткой клетки, мне кажется более трезвым, если не более рациональным, чем поведение его соседа, который перестает сопротивляться и сворачивается в клубок на соломе. Пытаясь преодолеть непреодолимое, повторяя попытку за попыткой по тысяче раз в час, кто знает, может быть когда-нибудь волк и вырвется на свободу…

31

Чтобы составить объективное представление об ужасающем множестве чудес, образующих живое, стоит изучить его с вниманием и мыслью, освобожденной от привычек.

Когда Лазарь вышел из могилы, это было чудом. Но если все мертвецы начнут действовать таким же образом, наше удивление быстро исчезнет и возникшая привычка заставит нас рассматривать воскрешение как естественное явление, для которого мы сможем установить постоянно повторяющиеся особенности, чтобы назвать их законами…

Мы окружены чудесами, к которым привыкли. Мы сами живем только благодаря чуду, все живое чудесно в малейших своих деталях, но мы настолько привыкли к ежедневным чудесам, что они совершенно перестали удивлять нас.

К примеру, что может быть для нас более обыденным, чем уши? Два нелепых лопуха, заканчивающихся отверстиями в голове… Находящиеся в отличном состоянии уже у новорожденного, они тут же начинают служить нам без каких-либо усилий с нашей стороны. Они улавливают вибрации во внешнем мире и автоматически преобразуют их для нас в целый мир звуков. Чтобы услышать, нам не нужно вслушиваться. Разве мы удивимся, если соловей распевает серенады для своей красавицы, а модулированные у него в горле колебания воздуха резонируют в нашем мозгу? Конечно нет, ведь это так естественно.

Естественно. Да. Естественно.

Все естественное чудесно.

Давайте, рассмотрим внимательнее это такое обыкновенное ухо. Мы все помним из школьного учебника, что оно подразделяется на три части: наружное, среднее и внутреннее. Наружное ухо начинается ушной раковиной, которая собирает звуковые волны, и заканчивается барабанной перепонкой. Общеизвестно, что с возрастом и барабанная перепонка и все остальное становятся менее чувствительными. Следовательно, вся конструкция уха должна воспринимать все более и более существенные порции звуковых волн, чтобы иметь возможность нормально работать. Именно поэтому пожилые люди прикладывают к ушной раковине согнутую ладонь. Вы никогда так не делали? Увы, у вас все еще впереди… И вот еще интересный факт. Один видный врач рассказывал мне, что по имеющимся наблюдениям у стариков уши становятся больше.

С тех пор, как я узнал об этом, я старался внимательно

рассматривать стариков. Посмотрите и вы; вы поймете, что это правда. Особенно хорошо это заметно у самых старых людей, у которых ушные раковины становятся просто огромными. Это настоящие листья лопуха. Теперь перейдем к барабанной перепонке. Мы живем в таком шуме, что просто не можем использовать ее повышенную чувствительность. На нее постоянно воздействует настоящий винегрет звуков, заставляющих ее непрерывно вибрировать. И наши слуховые нервы, стараясь защитить нас, делают восприятие менее чувствительным. В то время, как в начале чувствительность барабанной перепонки такова, что она (я цитирую здесь дословно статью П.Даниша в "Сьянс эт Авенир" за июль 1962 года) "что для определенных частот… она может реагировать на колебания, амплитуда которых не достигает одной миллиардной доли миллиметра, то есть одной десятой диаметра атома водорода. Таким образом, в абсолютной тишине наше ухо способно услышать звуки от столкновения молекул воздуха, охваченных броуновским движением!"

Неплохо, правда? Но дальше будет еще интереснее. Продолжим.

Волны, заставляющие колебаться барабанную перепонку, передаются на нее через посредство среды, в которой мы живем, то есть воздуха. Но человеческое тело, которое выглядит таким твердым, на самом деле состоит почти целиком из жидкости. Следовательно звуковые волны, чтобы проникнуть в человеческое тело, должны перейти из воздушной среды в среду жидкую. При этом, они неизбежно должны испытать торможение. Проблема решается с помощью среднего уха.

Наружное ухо находится в воздухе. Внутреннее ухо представляет собой полость, заполненную водой. Среднее ухо, расположенное между наружным и внутренним, передает колебания от первого ко второму с помощью трех миниатюрных косточек: молоточка, наковальни и стремечка.

Молоточек связан с барабанной перепонкой и колеблется вместе с ней.

Он передает свои колебания наковальне, а та, в свою очередь, стремечку. Стремечко заставляет колебаться эластичную мембрану, на которую оно опирается и которая закрывает окошко в костной полости внутреннего уха.

Три промежуточных косточки настолько совершенны по своей форме, своей уравновешенности, своему строению, своему расположению и соотношению своих размеров, что колебание, передаваемое ими от барабанной перепонки во внутреннее ухо одновременно усиливается в соотношении от 2 до 22 раз…

Добавим, что для того, чтобы избежать резкого повышения или понижения давления в среднем ухе, находящемся между двух колеблющихся мембран, через мышцы и кость проложен обходной канал: это Евстахиева труба, связанная через рот с наружной атмосферой. Благодаря этому устройству, давление внутри и снаружи уха всегда остается одинаковым.

Неплохо…

Дальше будет еще любопытнее. Углубимся во внутреннее ухо. До сих пор все было относительно простым. Мы могли восхищаться гениальным ремесленником, искусно обработавшим каждую косточку до идеальной формы и собравшим их затем с помощью мышц и микроскопических связок, добившись точнейшего функционального равновесия. Но для нас не составляло особого труда понять, каким образом эти три элемента слухового аппарата выполняли свою работу. Но во внутреннем ухе все становится несравнимо более сложным. Мы переходим из мастерской часовщика в лабораторию электронщика. И это сравнение лишь отдаленно соответствует реальности. Для того, чтобы объяснить происходящее здесь, нам придется привлечь все науки.

Чтобы подробно проанализировать все происходящее, и у меня, и у вас окажется недостаточно знаний. Впрочем, и самые крупные ученые оказываются не в лучшем положении…

Мы просто бросим обычный взгляд профана в эту странную пещеру. Взгляд простодушного. Взгляд человека, не претендующего на то, чтобы узнать почему, когда ему объясняют как.

Мы не будем обращать внимание на полукольцевые каналы, тоже находящиеся во внутреннем ухе, но не участвующие в осуществлении слуховых функций. По крайней мере, насколько это нам известно. Очевидно, существуют какие-то весьма серьезные основания, чтобы они находились именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, но мы о них ничего не знаем. Нам известно только, что они являются местом, центром, обеспечивающим равновесие. Их всего три, каждый в виде полукольца, они собраны в одно целое так, что каждый из них перпендикулярен двум остальным, каждый ориентирован по одной из трех взаимно перпендикулярных осей.

Если случается, что они повреждены при ранении или вследствие болезни, человек не может находиться в вертикальном положении. Даже лежа с закрытыми глазами, он не чувствует себя в равновесии. Он больше не представляет, что такое стабильность, безопасность, отдых. Со всех сторон ему грозят ужасные падения, но ему не за что ухватиться, потому что вся его

вселенная одновременно опрокидывается сразу во всех трех направлениях.

Человек может стать глухим, слепым, немым, одноруким, безногим, сердечником, туберкулезником, даже кастратом, но оставаться при этом человеком. Он может погрузиться в кому, но продолжать принимать участие, хотя и пассивное, в жизни нашей вселенной — как, например, камень. Но стоит лишить его полукольцевых каналов, и он оказывается вышвырнутым из нашего мира, первым законом которого, основополагающим условием которого является равновесие. Без него человек превращается в жалкий обрывок сознания, принадлежащий хаосу.

Вероятно, то, что полукольцевые каналы находятся во внутреннем ухе, связано с их исключительной важностью. Действительно, внутреннее ухо можно считать наиболее защищенным местом во всем теле. Это маленькая прочная коробка в большой прочной черепной коробке. Череп, который должен защищать уши и мозг, имеет почти сферическую форму. Сферическая форма наиболее подходит для того, чтобы выдерживать удары и отражать их по касательной.

Ладно, оставим эти таинственные каналы, эти три неподвижных гироскопа, которые есть ничто иное, как своего рода связующее звено между всемирным равновесием и равновесием отдельного индивида, и вернемся к интересующим нас колебаниям в том месте, где мы расстались с ними: когда они через особое окошко попали во внутреннее ухо.

За гибкой мембраной, закрывающей это окошко, находится лабиринт, через который колебания продолжают свой путь. Этот лабиринт имеет форму свернутой спирали, которая широкой стороной обращена к отверстию, а остроконечной вершиной направлена внутрь черепной коробки. Но хорошо известные нам земные или морские моллюски имеют раковины, которые образованы одной свернутой в спираль трубкой. В то же время, во внутреннем ухе находится три длинных свернутых спиралью полости, идущих от основания к вершине, где две из них сообщаются между собой. Третья, получившая название улитки, герметично закрыта с обеих сторон, но она сообщается с соседней ветвью спирали посредством расположенной вдоль нее мембраны — еще одной! Внутри улитки непосредственно вдоль мембраны, повторяющей витки спирали, располагаются примерно двадцать пять тысяч так называемых "слуховых клеток". На одном конце каждая из них находится множество колеблющихся ресничек. На другом конце "слуховой клетки" расположен пучок нервных волокон, идущих от ресничек. Затем эти пучки, отходящие от каждой клетки соединяются вместе и образуют слуховой нерв,

который должен передавать в мозг послание, идущее из уха.

Что происходит в этом лабиринте? Расскажем об этом в самых общих чертах. Когда мембрана, закрывающая окошко во внутреннем ухе, начинает колебаться, содержащаяся в нем жидкость передает колебания нервным клеткам, которые преобразуют нервный импульс и направляют его в мозг с помощью слухового нерва. Но зачем нужно это улиткоподобное образование?

Представим, что нервные слуховые клетки расположены непосредственно за плоской мембраной, закрывающей окошко. Вообразим, что мы гуляем по Шамбордскому лесу теплой весенней ночью. Наше ухо улавливает трели любовной песни соловья, шорох ветра в молодых листьях, шум шагов, рев оленя, бессмысленную кашу звуков из телевизора, находящегося в домике сторожа, отчаянные вопли хора лягушек, соло "Каравеллы", пролетающей в вышине, журчанье ручейка, треск сучьев, сломанных шарахнувшимся в кусты испуганным кабаном, тарахтенье мопеда в добром десятке километров от нас…

Наше ухо воспринимает все эти звуки одновременно.

Допустим, что наши слуховые клетки находятся в одной плоскости позади закрывающей окошко мембраны, в этом случае они будут воспринимать звуковые волны от всех источников одновременно; при этом, в наш мозг поступит смесь всех звуков, и он окажется не в состоянии разделить их в этой мешанине и идентифицировать. Мир звуков превратится для нас в непрерывный однородный шум, в котором можно будет различить лишь колебания уровня громкости.

Лабиринт внутреннего уха превращает эту кашу, эту магму колебаний в звуковой ансамбль, в котором каждый звук строго индивидуализирован. Мозгу остается идентифицировать их и отобрать нужные. Между тем, что поступает во внутреннее ухо через закрытое эластичной мембраной окошко и тем, что выходит из него по слуховому нерву, разница примерно такая же, как между смесью красок, пропущенных через миксер, и картиной, написанной теми же красками.

Каким образом лабиринт анализирует это пюре из звуковых колебаний?

Ответить на этот вопрос очень трудно, потому что чтобы увидеть, что происходит во внутреннем ухе, его нужно открыть, а с того момента, как оно будет открыто, в нем, естественно, ничего больше произойти не может. Во всяком случае, ничего нормального.

Жалкие эксперименты, которые удалось осуществить, дают кое-какие указания. Дальше можно использовать только логику,

чтобы строить гипотезы…

Смесь звуковых колебаний попадает в трубку, диаметр которой постоянно уменьшается в соответствии с логарифмической кривой, способной привести в восторг самого Сальвадора Дали. Каждое из составляющих эту смесь отдельных колебаний достигает при своем продвижении через лабиринт той его части, диаметр которой, соответствующий определенной длине волны, позволяет колебанию с такой длиной волны войти в резонанс именно с данной частью слухового устройства. Именно в этом месте реснички слуховых клеток начинают колебаться, реагируя на определенный звук. Так происходит для каждого из колебаний с особой длиной волны, вместе со всей массой звуковых волн достигших внутреннего уха. При их продвижении вдоль улиткообразного канала каждая группа клеток извлекает колебания с характерной для них длиной волны. Дойдя до конца лабиринта, звуковая магма будет полностью проанализирована.

Впрочем, это всего лишь гипотеза. Законы механики и акустики позволяют нам считать ее весьма правдоподобной. Опыты, производившиеся в неудовлетворительных условиях, похоже, кое в чем подтверждают ее. Действительно, мембрана улитки колеблется селективным образом. В то же время, они опровергают ее: мембрана колеблется в наиболее узкой части улитки для низких тонов и в наиболее широкой — для наиболее высоких. Знание акустики склоняет нас признать более вероятной противоположную возможность. Таким образом, мы можем заключить только то, что мы не понимаем то, что в действительности происходит в лабиринте, но мы можем быть уверены, что происходящее тесно связано с длиной волны звуковых колебаний, с одной стороны, и с улиткообразным строением трех звуковых каналов, с другой. Но знания длины волны недостаточно, чтобы охарактеризовать звук. Находитесь ли вы на концерте или сидите перед своим проигрывателем, ваше ухо прекрасно различает одну и ту же ноту, повторенную роялем, скрипкой или флейтой. А ведь эти инструменты испускают колебания, воздействующие на один и тот же участок спиралевидной структуры. Что же позволяет различать их?

Возможно, что это функция колебательных ресничек. Все, происходящее на их уровне, мы можем описать, но не можем объяснить. Так происходит каждый раз, когда мы оказываемся перед проявлениями основных законов электричества и жизни: как только ресничка начинает колебаться, возникает электрический микроток, который проходит через слуховую клетку, на которой расположена ресничка, а затем поступает в пучок нервных волокон, в слуховой нерв и, наконец, в мозг.

Отметим, что ни одна из этих ресничек не идентична другим как по диаметру и длине, так и по расположению слагающих ее молекул. Поэтому возможно, что каждая из них или даже каждая из слагающих их молекул более или менее чувствительна к определенным характеристикам колебаний, которые не имеют отношения к длине волны, но которые обуславливают специфику звучания пианино или трубы.

Каждая молекула каждой реснички передает слуховой клетке микро-микроток, модулированный особым образом, последняя синтезирует результаты, обобщает их и отправляет в мозг по специальному нервному волокну. Все 25 000 нервных волокон, выходящих из 25 000 слуховых клеток, одновременно посылают в мозг свои микротоки, и микроток каждой из них отличается от микротоков любой другой из 25 000 клеток напряжением и интенсивностью тока, а также энергией, модуляцией и, несомненно, многими другими параметрами, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Мозг получает 25 000 электрических сигналов и перерабатывает их с помощью процесса, который мы вряд ли когда-нибудь поймем, в слуховые ощущения. Каша колебаний собранная ушной раковиной, воспринятая барабанной перепонкой, усиленная косточками среднего уха, проанализированная лабиринтом, закодированная улиткой, переданная слуховым нервом, интерпретированная корой больших полушарий превращается в результате в закономерно построенную мозаику ясных, глубоких и различно окрашенных звуков; голоса оленя и лягушек, дыхание ветерка вошли в ваш мозг и вы узнали их.

Это происходит в человеческом ухе. По крайней мере, примерно это. Я существенно упростил все, что мы знаем об этом. И не следует забывать, что мы знаем далеко не все.

Возможно, что высказанные мной предположения неверны. Но если мы когда-либо узнаем с достаточной точностью все, то у нас будет еще больше оснований замереть в изумлении и страхе перед непознанным.

Кто задумал ухо?

Было бы очень просто удовольствоваться тем, чтобы увидеть в гармоничной простоте его общего устройства, в изяществе отдельных деталей строения, в разнообразии его механических, акустических, электрических, химических, соединительных, костных, мускульных, нервных, твердых, жидких, газообразных функций, в других неизвестных нам особенностях, в четком и совершенном взаимодействии всех деталей и процессов всего лишь счастливый результат множества случайных мутаций.

Мы охотно принимаем систему отбора наиболее хорошо

вооруженных и наиболее приспособленных особей. Животное, имевшее уши, явно должно было пережить другое животное, у которого ушей не было. С этим нельзя не согласиться. Но кто дал ухо животному, у которого оно было?

Говорят, что ответить очень сложно. Сначала появилась одна клетка, которая оказалась более чувствительной к звуковым колебаниям, чем другие, затем…

Согласен.

Но каким образом эта более чувствительная к звуковым колебаниям клетка превратила это колебание в слуховое ощущение? Как она соединилась с другими клетками? Каким образом на них выросли реснички, как они оказались в улитке, а улитка в лабиринте? Каким образом возникла система усиления в среднем ухе? Как появилась и выросла ушная раковина? Как? Как? Как? Кто спланировал эти последовательные усовершенствования?

Может быть, сам индивид?

Если бы это было возможно, сейчас у всех людей уже давно были бы крылья и глаза на затылке.

Может быть, это вид? Или сама живая материя?

Кто?

Ухо не возникло в результате невероятного случайного совпадения миллионов благоприятных мутаций.

Ухо является задуманным, спланированным, организованным сооружением. Случай не задумывает, не отлаживает, не организует. Случай способен создать только кашу.

Даже если учесть фактор времени, объяснение случайностью не может быть принято. Я знаю аргумент, в котором речь идет об обезьяне и пишущей машинке: если посадить обезьяну за пишущую машинку и позволить ей печатать на протяжении вечности, то среди бесконечного множества сочетаний знаков обязательно окажется полный текст Библии.

Я не могу принять этот аргумент. Он неверен. Он смешивает количество и качество. Обезьяна не сможет напечатать не только Библию, но даже басню "Стрекоза и муравей". Она будет печатать бессмысленный набор знаков на протяжении вечности, до скончания времен.

Вы можете бросать кости целую вечность, вы никогда не получите последовательность из тысячи шестерок. Следовательно, необходимо наложение благоприятных мутаций, таких же невероятных, как и последовательность из тысячи шестерок, чтобы создать ухо, маргаритку или котенка.

В таком случае, откуда взялись маргаритка и котенок?

ЗНАЧИТ, ЕСТЬ КТО-ТО!

Есть кто-то под кроватью или в шкафу! Есть кто-то в нашей жизни, в нашей плоти. Кто-то, создавший нас и делающий из нас то, что он хочет.

32

[У кролика очень большие уши.

Недавние исследования поведения этого четвероногого показали, что все его существование определяется страхом. Кролик существует для того, чтобы быть убитым, и он, кажется, знает это. С рождения и до своей насильственной смерти он прячется и спасается бегством, спасается бегством и прячется, прячет своих малышей, не прячется вместе с ними, чтобы уменьшить возможный ущерб, спасается ночью, спасается днем; в итоге, из-за того, что он бежал недостаточно быстро или плохо спрятался, его в конце концов съедают. Ему так и не удается узнать в своей жизни постоянно преследуемого существа что-нибудь другое кроме страха.

У кролика очень большие уши и очень тонкий слух.

Природа, вид, инженер, архитектор, Бог, если вам угодно, дал ему, поместив на бедной головушке жертвы, пару великолепных устройств, чтобы он услышал приближение убийц.

Это позволяет ему спать не так крепко и вовремя спастись бегством, то есть выжить ровно столько времени, сколько необходимо для поспешного оплодотворения своей самки, чтобы не прервалась цепь поколений существ, живущих в страхе.

У лисы тоже хорошие уши. А также у ласки и у охотничьей собаки.

Человек из пещер Ласко или Альтамира, который охотился на бизонов с помощью каменных орудий, был способен услышать, как стадо спит на противоположном берегу реки.

Ухо, прежде всего, это инструмент-детектор, применяемый убийцей, чтобы преследовать жертву, но используемый также и жертвой, чтобы своевременно уловить мягкие шаги приближающейся смерти. Это радар того, кто пожирает и того, кого пожирают.

Размещенный в миниатюрной головке кролика замечательный лабиринт со его тремя спиральными полостями, с тончайшей порослью колебательных ресничек, с тысячами слуховых клеток, настроенных на все звуки кроличьего мира, предназначен только для того. чтобы уловить подкрадывающееся к нему другое существо, снабженное не только парой лабиринтов, но и хищными челюстями. Вот здесь естественный отбор действует на всю катушку. Кролик, у которого слух тоньше, проживет дольше, чем его немного глуховатый собрат, и у него будет больше потомства. Благодаря чувствительности его барабанных перепонок, подвижности его косточек,

избирательности слуховых клеток, быстроте нервных реакций смогут продолжиться охота и страх…]

Похоже, что слух, чутье, зрение, мышцы, мозг, миллионы других гениальных изобретений, управляющих живым миром, были созданы только для того, чтобы сохранить для живых существ обстановку убийства и ужаса.

Ухо не было создано благодаря случаю. Тем более, не является случайным его применение.

Законы, которые управляют функционированием и равновесием живого мира, столь же жестки и столь же непреклонны, как и законы, управляющие эволюцией галактик и атомов. Клетка, индивид, вид не могут не подчиниться законам выживания и агрессии. Если какой-нибудь вид исчезает с лика планеты, то это означает, что он был заменен другим видом, более способным в деле убийства или более эффективным в деле производства пожираемой плоти.

[Общие законы поведения живого мира заставляют вспомнить о легендарном существе катоблепас, обладавшем такой прожорливостью и таким глупым, что он мог натолкнуться на конец своего хвоста, схватить его и начать пожирать до тех пор, пока он не съедал самого себя целиком. Но живой мир нельзя назвать глупым: просто он находится в безвыходной ситуации. Он может существовать только пожирая свою собственную плоть.

Но он никогда не добирается до последнего глотка: пожирая самого себя, он обеспечивает свое выживание и размножение. Его распоротые внутренности обновляются, его исполосованная плоть заживает, разрастается и требует еще и еще пищи для челюстей, которые тоже растут и продолжают впиваться в возрождающуюся и непрерывно пожираемую плоть.]

И непрерывно, каждый день, каждый миг возрастает чудовищная, неискупимая сумма страданий и ужаса в то время, как жизнь мечется по кругу в абсурдной попытке сбежать от самой себя, в то время, как она продолжает пожирать себя и вновь и вновь возрождаться, чтобы продолжать убивать.

Простить это Богу невозможно.

Вот снова это неудобное слово. Каждый раз, когда мы встречаем его, оно вызывает в нашем сознании немедленный рефлекс обожания или ненависти, смирения или издевательства; но хуже всего — псевдобезразличие, самое негативное, самое бесчеловечное поведение. Этот рефлекс, за или против, немедленно блокирует любую разумную деятельность. Место разума занимает страсть. Если не страсть, то по меньшей мере чувство, что ничуть не лучше.

Как я могу позволить себе написать это имя, я, не относящийся ни к верующим, ни к их противникам? Я, просто пытающийся понять…

Правоверные или постараются отправить меня на костер, или пожалеют; рационалисты обвинят меня в тайном распространении богохульства.

Но что я могу написать?

Дух? Создатель? Высшее Существо? Компьютер?

Великий Архитектор? Несотворенный? Единственный? Всеобщий? Отец?

Безличный? Универсальная Причина?

Существует тысяча имен, и ни одно из них не годится. Каждое определяет, ограничивает, дает нечто личностное тому, что не имеет личности. Только такое имя, как Бог достаточно неопределенно, чтобы не исказить направление нашего поиска, направив его в тупик. Но при этом нужно совершить усилие, чтобы забыть две тысячи лет церковной пропаганды и гималаи глупостей, нагромоздившихся над именем Истины.

Нужно очиститься от антицерковного и религиозного фанатизма, от привычек разума, которые заставляют отказаться от любых попыток исследования за пределами микроскопа или катехизиса.

Никто сейчас уже не знает, что означает имя Бога.

Обожать или ненавидеть его — одинаковое проявление инфантильности.

Нельзя ненавидеть, нельзя обожать Не-знаю-что-это-такое.

Единственное, что я знаю — это то, что наша вселенная, рассматриваемая как то, что мы можем понять или о чем можем догадаться, касается ли это целого или ее наименее значительной детали, не может быть смешана с бесформенным, неорганизованным продуктом случайности, будь она даже весной.

Дело в том, что ее непредвзятое изучение неизбежно навязывает нашей логике заключение, что она является результатом деятельности изобретательного разума и планирующей воли. Дело в том, что меня одолевает жажда узнать, что есть этот разум, что хочет эта воля, чего она хочет от нас, от живых, от нас, проглоченных рыбешек, от нас, окровавленных кроликов, от срубленных кустов, от скошенной травы, от нас, проросших или размолотых в муку зерен.

Бог-отец, которого предлагают нам рахитичные религии, это такая же жалкая, такая же смешная попытка, как и желание утолить жажду умирающего в пустыне каплей сиропа.

Мы должны вновь отыскать живой источник истины, а для

этого нам придется раскопать или прозондировать гималаи, под которыми он погребен.

Это огромная задача, но нет задачи более срочной.

33

Первичным законом нашей вселенной является равновесие.

Попытайтесь представить себе вселенную, в которой ни один элемент не уравновешивает ни одного другого.

Там нигде не будет места ни для одной вещи, сами вещи перестанут существовать, потому что больше не будет скоплений материи, комбинаций молекул, самих молекул, атомов, ничего, кроме беспорядочных скоплений бесполезно распоясавшейся энергии. Несомненно, это и есть хаос.

Живой мир также находится в равновесии. В равновесии между жизнью и смертью, между живым и неживым, между растительным и животным, между ярости между живущими рядом конкурирующими видами, между прожорливостью убийц и плодовитостью жертв…

Наиболее эффективным средством сохранять это равновесие является поедание детенышей.

Для всех видов детеныши — это прежде всего пища. Они также — будущие взрослые особи, но лишь весьма незначительное их количество достигнет этого будущего состояния. Птенца пожирают в яйце или в гнезде, зайчонка — в укрытии, малька проглатывают, едва он отправляется в первое плавание.

Петуху человек предпочитает цыпленка.

Это пожирание молодняка следует рассматривать как тормоз, не позволяющий виду размножаться взрывным образом. Снова отметим, что наиболее страшная гекатомба происходит в океанах.

Я не знаю, какова доля уцелевших, но если я напишу, что один малек из ста тысяч ускользает из ванны с желудочным соком, я буду несомненно оптимистом.

Малек — это что-то совсем незначительное. Комочек жизни с обрывком нервного волокна. Этого вполне хватает, чтобы испытывать чуть-чуть страха, чуть-чуть страдания. И этого как раз достаточно, чтобы быть переполненным страданием и страхом. Тысячи миллиардов мальков, проглоченных живьем, тысячи миллиардов ничтожных обрывков сознания, растворяющихся в боли. В этом нет ничего особенного, все это повторяется миллионы раз каждый день.

Вы когда-нибудь видели маленького ребенка, малыша, сосунка, страдающего отитом? Он не понимает, что с ним происходит. Страдание внезапно обрушилось на него, оно находится в нем, в его головке, боль терзает его кости. Он подносит ручонки к ушам, он кричит, но чем больше он кричит,

тем ему становится больнее, он не может избавиться от боли, не может ничего поделать. Когда он открывает глаза, вы можете прочесть в его глазах ужас. Это целая орда живых существ захватила другое живое существо и начинает пожирать его…

Уже давно хищники не пожирают человеческих детенышей, но совсем недавно мы научились защищать их от нападений бацилл, микробов и вирусов. Сегодняшняя мать, растящая своих малышей за прочными санитарными барьерами, не отдает себе отчета в том, насколько хрупкой была жизнь ребенка сотню-другую лет тому назад. Достаточно почитать биографии знаменитостей. Например, у И.С.Баха было 22 ребенка, из которых выжило 7. У Леопольда Моцарта было 7 детей, выжило 2. Нам повезло, что среди выживших оказался Вольфганг Амадей…

Во Франции в середине XIX века детская смертность достигала 20 %. Сегодня она упала до менее 3 %.

Это настоящая революция мира живых существ.

Никто больше не поедает человеческих детенышей.

Человек больше не опасается ни за себя, на за своих детей, он не боится ни волка, ни тигра, ни чумы, ни крупа. Крупные хищники уничтожены или посажены в клетки, микроскопические враги не подпускаются близко. Человек больше не обеспечивает своей свежей плотью жизнь других существ. Его может пожрать только смерть.

Но человек продолжает убивать. Он убивает больше, чем когда-либо. Он яростно уничтожает целые ветви живого мира, стирает с лика Земли леса, стерилизует пруды, массами убивает птиц, забивает миллиардами ягнят и цыплят. Ни один вид не способен противостоять человеку. Никто не может победить его. Ради своей выгоды он нарушил равновесие живого мира.

Он стремится оккупировать планету в одиночку после того, как уничтожит все остальные виды.

Но закон равновесия неумолим. Подобные изменения структуры живого мира не могут остаться без последствий. Возникает ужасающая компенсация. Слишком хорошо защищенный убийца видит, как против него поднимается единственный достойный противник, способный справиться со средствами его защиты и его нападения — он сам.

[Когда человек был животным, вооруженным своими руками и зубами, он убивал и его убивали. Поднявшись над примитивными условиями жизни, он постепенно стал неуязвимым для хищников, когда-то охотившихся на него. Но появлявшееся у него в придачу к естественному оружию все новое и новое оружие он использовал в первую очередь против себе подобных. Убив волка, он убивал своего брата. Сначала

кремневым копьем, потом арбалетом, потом пушкой с пороховым зарядом.]Человек принялся наносить себе раны, которые ему больше никто не мог нанести.

И это стало справедливо как для внутренних, так и для внешних сражений. Его организм, потрясаемый вакцинами, сыворотками, уколами, лучами, пилюлями, таблетками, сиропами, порошками, каплями, стимуляторами, успокоительными, укрепляющими, антитоксинами, антибиотиками, анальгетиками, лошадиными гормонами, экстрактами из желез хряка, организм, очищенный, восстановленный, промытый, освобожденный от лишнего, защищаемый вопреки своему желанию, утратил дисциплину, которая могла мобилизовать его против агрессора и позволил анархии распространиться среди его клеток: там, откуда бежал микроб, появился рак. Человек принялся сам пожирать себя[: свою грудь, свою печень, свою простату…

Тем не менее, рак не способен заменить тысячи форм неизмеримо малых агрессоров.] Может быть, в более или менее близком будущем человек научится подавлять восстание клеток. Может быть, он даже не позволит им стареть.

Он выиграл почти все внутренние сражения. Нет ничего невозможного в том, что он выиграет войну.

[Сегодня, в обстановке продолжающихся боевых действий, никакой микроскопический враг не в состоянии притормозить распространение рода человеческого.] Его порыв настолько неудержим, что очень скоро, через несколько поколений, Земля станет слишком тесной для него. Мы уже чувствуем, как в городах пространство сжимается вокруг нас. Потолки опускаются, стены сдвигаются, стиснутые с боков здания устремляются в небо. Это только первые признаки. Все произойдет очень быстро. [Нас сейчас три миллиарда. Когда родятся наши внуки, их будет двадцать миллиардов. Земля будет переполнена раньше, чем пройдет столетие.]И точно в тот момент, когда начинается настоящий демографический взрыв, человек придумывает Бомбу. Все человечество в ужасе. [В ужасе даже те, кто изобрел и создал ее. Подобно рожающей женщине, которая неожиданно видит, как из ее чрева появляется отвратительная крысиная морда. Тем не менее, эти изобретатели не бросают свое дело; с отвращением, с проклятьями они продолжают работать над тем, чтобы Бомба стала еще более страшной, еще более смертоносной.]Ни один руководитель нации не хочет использовать это оружие, и все же те, кто уже имеет его, продолжают производить его, нагромождая избыточные запасы. [Те, у кого еще нет Бомбы, спешат сделать все, что в их силах, чтобы тоже получить ее.

Впервые в истории мира ни одно правительство, ни один народ не хотят войны из-за ужаса, который вызывает Бомба. Тем не менее,] все допускают возможность использовать ее когда-нибудь под самым ничтожным предлогом.

И люди начинают понимать, что История человечества есть всего лишь часть Истории жизни, в которой их воля участвует в той же степени, в какой воля головастика участвует в его превращении в лягушку.

Они начинают понимать, что война является не случайным проявлением национального варварства, как они думали всегда, а перманентным явлением, возникновение которого, интенсивность и продолжительность не зависят от желания человека. Даже марксисты, убежденные, что война — это дочь капитализма, поняли опасность своих иллюзий и готовы договориться со своими классовыми врагами, чтобы совместно бороться против войны.

Но кто решится первым бросить бомбу?

Никто.

Каждый знает, что она смертельно опасна, и что хранить ее в доме — это безумие. Независимо от того, в какой комнате она хранится: в американской, азиатской или европейской.

И все равно все цепляются за нее и продолжают прятать ее под кроватью.

Все конференции по разоружению кончаются ничем, любые предложения отвергаются, и все в мире знают, чем это может кончиться.

Безопасность, контроль: поводы, болтовня, детские игры.

Никто не хочет расставаться с Бомбой.

В действительности, никто не может расстаться с ней. Она порождена человеком, подобно тому, как яд порождается змеей. Гадюка не может стать ужом, даже если захочет этого. И если она гадюка, то в этом нет ее вины.

Бомба — это самая недавняя форма войны. Война — это явление компенсации, свойственное жизнедеятельности человеческого рода благодаря закону или — это то же самое — стремлению к равновесию, предназначенное исправить неэффективность агрессии других видов против человека. По мере того, как возрастала эта неэффективность, росла эффективность средств ведения войны. От камня к атомной бомбе мощь оружия, которое человек использует против самого себя, вырисовывает ту же кривую, что и распространение вида. И та, и другая достигли начала головокружительного, абсолютного вертикального взлета. Человек, превращающийся в великана, прижимает к сердцу орудие своего убийства. Пустит ли он его в

ход до того, как достигнет небес?

Если он это совершит, значит, так было задумано, но не человеком: это будет самоубийство по приказу. Как по приказу совершается вечное пиршество, на котором пожирают младенцев всех живых существ.

34

Можно было бы усомниться в правдоподобии идеи коллективного неосознаваемого и неизбежного самоубийства людей, если бы другие виды не давали нам примеры подобного поведения.

Все слышали о заканчивающихся смертью миграциях леммингов, этих мелких грызунов, живущих в горах Скандинавии. Едва их популяция достигает определенной плотности, как они отправляются в многодневное путешествие к Северному морю, достигнув которого бросаются в воду и тонут.

Гораздо хуже известно, что этот своеобразный образ действий возник сравнительно недавно. Насколько известно ученым, коллективное самоубийство леммингов началось примерно с 1920 года.

В этом странном обычае можно видеть косвенную реакцию грызунов на интенсивную войну, которую человек ведет против хищных птиц, в результате чего последние, эти главные потребители грызунов, оказались почти полностью истребленными.

Как только грызунов перестали истреблять их главные враги, лемминги, эти исключительно жизнестойкие и плодовитые зверьки, резко размножились и достигли в 1920 году максимально допустимого уровня. Сработал закон сохранения равновесия, и с этого года излишки популяции принялись регулярно топиться в море…

Другие грызуны, байбаки, живущие в южной Сибири, начали кончать жизнь самоубийством примерно в 1875–1876 годах. Эта дата позволяет нам увидеть и в данном случае косвенный результат уничтожения человеком какого-то хищного вида, обеспечивавшего равновесие мира байбаков. Охотничье ружье было изобретено в XIX веке. За пару десятилетий оно глубочайшим образом нарушило равновесие в животном мире. Какой любитель мяса байбаков был уничтожен в Сибири? Волк? Может быть. Как пишет Жионо в своей статье, опубликованной в журнале "Нис-Матэн" 12 сентября 1964 года, байбак — это "небольшой грызун, жирный, как монах", живущий в норах, "образующих настоящие подземные города"… От горизонта до горизонта "подземное пространство принадлежит миллионам животных, которые роют бесконечные лабиринты."

Байбак несомненно был прекрасным источником пропитания для стай голодных волков. Им было достаточно копнуть землю, чтобы вскрыть подземные ходы с жирными лентяями. В

результате они поддерживали численность байбаков на уровне, установленном… скажем, Природой.

После того, как волк исчез или стал более редким — если это был не волк, то какой-нибудь его родственник, и эта гипотеза по меньшей мере окрашена в местные тона — байбак, хорошо защищенный от менее опасных врагов в своих подземных лабиринтах, принялся размножаться и его численность быстро достигла критического уровня.

И тогда излишки популяции потекли к Ледовитому океану.

Известный русский географ и биолог Потанин впервые наблюдал в 1880 году самоубийство байбаков. Двадцать лет подряд он возвращался в эти края, чтобы сопровождать орды байбаков в их жизнерадостном паломничестве к ледяной смерти. Потом это явление принялись изучать — и изучают до сих пор — другие ученые: Гюстав Радд, Поляков, Альбэн Кон, Фон Миддендорф, Норденшельд и другие.

Вот, согласно Жионо, как это происходит. Я прошу извинить меня за слишком пространные цитаты — я не смог бы рассказать лучше, чем он.

"… в мае месяце байбаки выбираются из своих подземных галерей. Они собираются сотнями тысяч, может быть, миллионами, и отправляются в дорогу. Им предстоит путь длиной в три тысячи километров.

В первый же день путешествия образуется разрыв между байбаками, предназначенными для самоубийства, и теми, кто должен обеспечить продолжение рода. В поход отправляются и те, и другие, но с наступлением сумерек несколько миллионов байбаков возвращаются в свои подземные лабиринты… Каким образом происходит это разделение? Этого никто не знает.

Нетрудно заметить, что воинство, собирающееся свести счеты с жизнью, выглядит весьма жизнерадостно. Байбаки возятся друг с другом, заигрывают с самками…"

Заметим в скобках, что в тот момент, когда появилась статья Жионо, французское и немецкое телевидение передавало ретроспективу военных кадров 1914 года. Параллель между двумя картинами поразительна. Мы видим на экранах телевизоров целые народы — французский, немецкий, русский, австрийский — устремляющимися на вокзалы в радостном опьянении. Про них можно было бы написать ту же самую фразу: "… воинство, собирающееся свести счеты с жизнью, выглядит весьма жизнерадостно. Мужчины возятся друг с другом, заигрывают с девушками…"

Потом происходит раздел. Часть населения возвращается в свои жилища. Другая, все такая же жизнерадостная, грузится в

поезда и отправляется умирать… Но вернемся к нашим байбакам.

У них уходит четыре месяца на то, чтобы преодолеть три тысячи километров, отделяющих их от места, где они должны умереть Они двигаются на север по левому берегу Енисея.

"… Байбаки идут безостановочно, идут днем и ночью. Они питаются на ходу, но ничуть не тощают, они не проявляют ни малейших признаков усталости. В начале июля они достигают окрестностей Туруханска. После того, как они оставляют позади устье Нижней Тунгуски, они пересекают Енисей, чтобы перебраться на правый берег… Продвигаясь все дальше и дальше по тундре, они направляются к западному побережью полуострова Таймыр. Добравшись до моря, они добровольно кидаются в воды Северного Ледовитого океана и погибают."

Заметим, что в том месте, где полчища байбаков пересекают Енисей, река достигает ширины более двух километров.

"Перебираясь через Енисей, они показывают, — говорит Альбэн Кон, — столь же совершенное искусство плавания, каким владеют только выдры. Они чувствуют себя в воде не хуже, чем рыбы, и ни один зверек из миллионов не гибнет во время переправы."

А вот каким образом Жионо описывает их поведение во время финала, ссылаясь при этом на данные Потанина;

"Они неторопливо приближаются к воде, спокойно заходят в нее и тут же тонут, даже не пытаясь плыть. Вскоре небольшой залив, на берегу которого разыгрывается трагедия, заполняется трупами зверьков, которые течение постепенно уносит в открытое море, в то время, как бесконечная колонна животных продолжает топиться, топиться сознательно, неторопливо и без каких-либо исключений.

Это коллективное самоубийство каждый раз продолжается два или три дня или, точнее, от 48 до 72 часов, потому что церемония не останавливается даже ночью."

Различное поведение байбаков при переправе через Енисей и на берегу океана показывает, что они не находятся под властью анархического стремления к самоуничтожению. Они не должны умереть где попало и любым способом.

Они подчиняются точным приказам. Они радостно спешат к смерти на протяжении четырех месяцев, несомненно, не представляя, куда и зачем они направляются. Точно так же, впрочем, они не представляют мотивы своего поведения во время периода размножения.

По-видимому, инстинкт, заставляющий зверьков бросаться в море, имеет ту же причину, что и инстинкт размножения. Но в обоих случаях он действует в противоположных направлениях —

приводя к смерти в первом и к жизни во втором. Характер же поведения и в том, и в другом случае одинаков: животное подчиняется категорическим приказам непреодолимого инстинкта, подчиняется безоговорочно и с радостью. Все ученые, занимавшиеся проблемой самоубийства байбаков, с удивлением отмечают, что миллионы зверьков, пересекающих весь континент, чтобы утопиться в океане, совершают этот путь радостно, словно направляются к желанной цели. Может быть, для них момент, когда они заходят в воду и встречают смерть, это момент невыразимого наслаждения, сходного с ощущениями во время процесса продолжения жизни.

Впрочем, инстинкт жизни и инстинкт смерти не подавляют друг друга. На протяжении своего путешествия самцы байбаков оплодотворяют самок, а те приносят приплод. Но они покидают новорожденных байбачат, так как не могут остановиться.

Во время человеческих войн также можно видеть, как приехавшие на побывку воины зачинают детей, а потом снова отправляются на смерть, оставляя одинокими будущих матерей.

Но человек больше не отправляется на войну с радостью. Теперь он знает, какова цель его путешествия. Тем не менее, несмотря на страх смерти, страх жуткий, первородный, материальный, эмоциональный и интеллектуальный, страх всеобщий, человек продолжает отправляться на войну и будет делать это и в будущем.

Представьте себе, что завтра разразится война, к примеру, между Китаем и Соединенными Штатами, и что Бомба не применяется или применяется весьма ограниченно. Постепенно конфликт разрастается, неизбежно втягивая в военные действия остальные нации… Кто, будь то среди капиталистов или коммунистов, кто, в каком бы он лагере не находился, сможет отказаться принять участие в этом кошмаре?

Отдельное существо ничего не значит. Им командует вид. А видами командует закон равновесия. Чтобы принудить людей отправиться на бойню, вид разработал, в социальной форме, средства принуждения, против которых человек ничего не может поделать. Прежде всего используется пропаганда, старающаяся заменить страх за свою жизнь пылким стремлением добиться смерти своего ближнего. Потом, когда на человека обрушивается реальность, уничтожая результаты воздействия пропаганды, он ощущает полнейшую невозможность спастись из шестеренок механизма убийства, активной и одновременно пассивной деталью которого является он сам.

Между человеком и байбаком имеется одно существенное различие: байбак не знает, что он движется к своей смерти (по

крайней мере, мы можем предполагать это), а человек не знает только то, почему он должен умереть.

Как в первом, так и во втором случае мы имеем дело с ложью. Байбак считает, что он движется к очередному удовольствию, в то время, как его ожидает удовольствие, последнее в его жизни. Человек полагает, что умирает, защищая свою землю, свою жену, свою свободу, свои идеи, тогда как он умирает просто потому, что людей, как и байбаков, стало слишком много.

Если только…

Если только байбак не знает, что он должен умереть. И он радуется потому, что знает, что такое смерть.

В этом случае нам остается только пожалеть, что мы не байбаки.

35

На протяжении тысячелетий род человеческий разработал и усовершенствовал, в зависимости от потребностей, процесс самоуничтожения, позволяющий ему избавляться от излишков населения, которое больше не ограничивают ни волки, ни чума.

Но человеческий индивид, упорно старающийся выжить, крайне искусный в разработке способов самозащиты, стал настолько устойчивым, настолько плодовитым, что статистики и биологи сходятся на точке зрения, согласно которой 500 или 600 миллионов погибших в локальной атомной войне будет недостаточно, чтобы остановить жизненный порыв человечества и прервать демографический взрыв.

Закон равновесия при этом будет исчерпан до конца и ядерная война, если она разразится, рискует стать всеобщей, грозит уничтожить все высшие формы жизни. Может быть, после нее сохранится небольшое количество выживших, которым придется начать все с начала.

С точки зрения Автора, Организатора, Планировщика это будет всего лишь один из незначительных эпизодов Творения, не слишком примечательный и касающийся только ничтожно малого жизненного феномена, локализованного на жалкой пылинке…

Для вида в целом это, пожалуй, можно считать благотворным явлением, если возродившееся из пепла человечество превзойдет своих обуглившихся в атомном пламени предков.

Но для миллиардов индивидов этого отрезка эволюции, которые призваны послужить прогрессу человеческого вида, сгорев в атомном огне, эта перспектива вряд ли способна наполнить их сердца невинной радостью леммингов.

Но могут ли они избежать холокоста, помешать всемирному пожару, залить порох водой?

Нужно освободить от какого-либо содержания жестокое прославление войны, сделать очевидным для всех жульничество, к которому прибегают капиталисты, националисты и идеологи. Хотя сделать это довольно сложно. Через двадцать лет после последней бойни главы государств, бывших противниками, вместе приносят цветы на могилы неизвестных жертв. Никто не выкрикивает лозунги, никто не смеется…

Ничто не может оправдать войну. Никогда.

И чем более смертоносной она становится, тем больше вызывающие ее поводы смахивают на безумие. Крестьянин, защищающий вилами свои посевы, имел некоторые основания для того, чтобы убивать или умереть. Но мы видим, что сейчас

все человечество готово увязнуть в шестеренках полнейшего идиотизма: каждый из лагерей убежден, что у человечества есть только один способ стать счастливым — а именно, его способ. И он готов навязать свое понимание счастья противоположному лагерю силой, то есть с помощью войны, то есть с использованием Бомбы. Во имя этого неопределенного счастья каждая половина человечества готова уничтожить другую половину, хорошо понимая, что она тоже погибнет при этом. Убивать людей во имя их счастья — вот фатальный абсурд, который не кажется таковым руководителям мира людей. Очевидно, что при подобной уверенности не может быть и речи о разуме и воле участников. При этом отчетливо различается подчиненность вида в целом и тех, кто считает себя хозяином своей судьбы, законам, о существовании которых они даже не подозревают. Слепота людей не кажется менее всеобщей, чем слепота леммингов.

36

[В 1139 году церковный собор в Латране гневно обрушивается на арбалет и запрещает его применение против человека.

Очень быстро арбалет принимается на вооружение всеми европейскими армиями и используется до тех пор, пока…

… После своего изобретения аркебуза квалифицируется как "дьявольское оружие", и попавших в плен стрелков из нее немедленно уничтожают.

В 1546 году указом французского короля запрещается ношение огнестрельного оружия даже дворянам под страхом жестокого наказания: нарушителя полагалось немедленно схватить и удавить на месте без суда.

В 1964 году Ватиканский собор выступает против Бомбы, не советуя применять ее против людей независимо от того, христиане они, или нет.]

Каждый новый вид оружия вызывает новую волну ужаса, но это не мешает ни его изготовлению, ни его хранению, ни его применению.

От него отказываются только в случае изобретения нового еще более эффективного оружия.

Так было всегда, начиная с использования камня и палки. Вплоть до изобретения Бомбы. И так будет дальше, если будет это дальше.

Латранский собор не выступал против войны.

Ватиканский собор считал, что есть справедливые войны.

Нас должны будут благословить перед тем, как поджарят.

Если, конечно, у священников двух враждующих лагерей будет время поднять благословляющую десницу…

37

Пока люди пытались победить чуму заклинаниями на латыни, она спокойно пожирала человечество.

Как только установили и приняли истинные причины заболевания, вскоре удалось разработать оружие против микробов и организовать соответствующую эффективную борьбу с болезнью.

До тех пор, пока мы не узнаем истинные причины войны, никакие договора, никакие союзы, никакой страх не смогут помешать ей разразиться в очередной раз, испепеляя мир частично или полностью.

Националистические войны обусловлены совсем не национализмом.

Завоевательные войны не зависят от стремления подчинить себе чужих.

Идеологические войны вызваны совсем не конфликтом идей.

Причиной экономических войн является отнюдь не стремление к экспансии или желание завоевать новые рынки.

Каждый из перечисленных мотивов, а также многие другие, нельзя относить к истинным причинам войн. Это только поводы.

Впрочем, нет войн. Есть только война, так же, как есть только смерть.

Подобно смерти, война является чисто биологическим явлением.

Только после того, как мы установим и признаем подлинную природу войны, мы получим возможность изучить ее, смягчить ее последствия, сделать ее более редким явлением, может быть, вообще прекратить.

Война — это процесс самоизбиения, разразившийся среди представителей человеческого рода благодаря нарушению закона равновесия живых существ.

Ни закон, ни вид не интересуются отдельными особями.

Но именно особям, а не виду приходится погибать, когда нарушается закон.

Следовательно, индивиды должны защищаться против вида и против закона. Для них не может быть речи о том, чтобы взбунтоваться. Это было бы абсурдным. Нельзя бунтовать против естественных законов. Например, нельзя восстать против закона всемирного тяготения.

Им можно овладеть, подчиняясь ему.

Это позволяет человеку выпрямиться, находиться в равновесии, идти вперед, изобретать себе крылья.

38

Движение человеческого вида увлекает меня подобно тому, как движение крови увлекает красное кровяное тельце. Вид увлекается движением живого царства и подчиняется его законам, подобно тому, как моя кровь вовлекается в движение моего тела. Мое тело сражается за свое существование, страдает из-за своих ошибок, и теряет всякий смысл оказавшись вне привычной сферы обитания.

Если человек хочет спастись, спасти свой вид, он должен вновь найти значение и смысл своего существования в великом теле жизни.

Какова функция человеческого вида в теле жизни?

Являемся ли мы его кровью, печенью, пищеводом, привилегированным местом, где выделяется разум? Или каналом, по которому удаляются отходы?

Придумав инструменты и механизмы, человек обеспечил себя средствами, которыми Природа или Великий Планирующий не посчитали необходимым снабдить его на старте. Может быть, в соответствии с планом он должен был нарастить себе эти продолжения своих рук. А может быть и нет. Весьма похоже, что человеческий вид, прорвав рамки своих функций, начал жить для самого себя, за счет организма, которому должен был служить

Сегодня он чудовищно развился, словно рак, и подобно ему, он вот-вот заставит погибнуть жизнь, это тело, на котором человек развился, истощая его. И сам погибнет вместе с ним.

Если же он не погибнет, если жизнь устоит, то она наверняка постарается избавиться от этих бунтующих клеток, и спасшийся человек, голый и безоружный, окажется на том месте, которого заслуживает, словно повторился момент первоначального творения.

Может быть, имеется возможность избежать этого великого кровопускания, этой операции на открытых сердцах.

Человек-инструмент-машина сами по себе не являются ошибкой, преступлением против жизни. Ошибкой, преступлением человека является использование своих рук, своих инструментов, своего разума вне пределов его функций, для чисто материального развития вида, без учета гармонии и равновесия как с другими частями живого мира, так и с самим собой. Именно это — главная характеристика разрастания клеток при раке.

Человек может вновь найти возможность жить, осуществляя свою функцию. Это не означает, что он должен расстаться с техническими протезами, которые он привил на свою живую

плоть. Наоборот, ему придется поставить их, как и всего себя, на службу равновесию и гармонии Вселенной.

Но для того, чтобы вновь овладеть своей функцией, он должен понять, что это такое.

Кто скажет ему, какое место принадлежит ему в Творении, между какими шестеренками мира помещается цикл его жизни и его смерти? Кто откроет ему, что он есть и почему он есть?

Священнослужитель.

Священнослужитель существует для этого.

Священнослужитель является посредником между Творцом и его творением — человеком.

Священнослужитель знает тайны Творения, его архитектуру и то, как оно функционирует.

Священнослужитель берет человека за руку, объясняет ему, почему он был создан, какова его роль во Вселенной рядом с его одушевленными и неодушевленными братьями, и сопровождает его шаг за шагом по пути, ведущему к знанию и пониманию.

Какой священнослужитель? Где этот священнослужитель?

Бедные жалкие кюре, любители игры в мяч, бедняги, говорящие дрожащим голосом, что они могут объяснить нам, они, не только ничего не знающие о Творце и Творении, но и ничего не понимающие в сотворенном?

Пожилой кюре, который на протяжении четырех десятков лет слышал, как скрипят и постукивают все шестеренки среди его паствы, постепенно начинает понимать, что такое человеческий механизм. Но когда во главе прихода оказывается совсем молодой человек, не разбирающийся ни в чем, что он может знать о страдании, о зависти, о ненависти, о любви, о желании, о самом себе и всех остальных?

Бедный юный кюре, потерянный, запутавшийся, ему остается только возможность перебинтовывать раны, которые протягивают к нему, используя единственное лекарство, которое есть у него: его любовь. А потом ему не остается ничего другого, как спрятать голову в песке молитвы…

Пастор, в свою очередь, предлагает верующим Бога, который едва превосходит их, с которым они могут объясняться, словно человек с человеком, который прекрасно понимает мотивы, заставляющие их причинять вред своему ближнему. Бог протестантов, это скорее Бог-сын, чем Бог-отец, это Иисус, Человек-Бог, больше человек чем бог, серьезный, строгий, понимающий. У него для каждого имеется не меньше снисхождения, чем есть у любого человека для самого себя. Он строг только с твоим соседом.

Бог католиков, это добрый Бог, немного слабоумный дед,

раздающий своим внучатам похвалы или упреки. "Ты увидишь, что с тобой случится, если ты не будешь умницей". Но когда мы умираем, он прощает нам все наши глупости и принимает нас в своем сельском домике.

Вот что предлагает сегодня христианская религия своим верующим. Вот жалкий ответ нашим страхам, нашему стремлению познать. Вот что дано нам, чтобы утолить наш голод: мятая бумажная обертка, в которую был завернут бутерброд и на которой сохранилось только имя продавца.

39

Между устройством живого мира и его функционированием, между чудом его возникновения и ужасом, для которого он, похоже, создан, существует убийственное противоречие.

Наше сознание отказывается признавать идею, которую старается навязать ему видимость: что столько чудес было задумано, создано и объединено с одной-единственной целью: аккумулировать страдание и продлить возможность убийства.

Мы не способны поверить, что этот отвратительный круг жизни, замкнутый на вечную смертельную травму, может быть удовлетворительной целью для создателя уха и маргаритки.

Нам представляется недостаточным предложение Церкви ввести самого Бога в этот круг ужаса, чтобы сделать его более или менее сносным, потому что при этом Бог принижается до уровня человека, когда соглашается страдать страданием живущих, умирать их смертью, быть убитым подобно людям и быть ежедневно поедаемым во время каждой мессы, подобно ягненку или салату. Смерть Бога не искупает смерть ягненка.

Его жертва только добавляет безрассудства системе. Творец-садист становится, вдобавок, мазохистом, и вся его конструкция предстает перед нами монументом абсурду.

Но разум не может быть абсурдным. Разум не может быть жестоким. Сочетание разума и жестокости следует рассматривать, как вымысел низкопробной литературы.

Злое существо, каким бы оно ни было блестящим и хитрым, всегда остается безумным. Прототип жестокости, Дьявол, во все времена носил дополнительное имя Лукавый. Его никогда не называли Разумным. Разумным был Бог. Следовательно, в жестокости и абсурдности живого мира скрывается резон, ускользающий от нашего понимания. Мы ни для чего не знаем истинной причины.

Но Бога нельзя считать и добрым. Достаточно посмотреть на окружающий мир, чтобы увидеть очевидное. Именно противоречие между этой очевидностью и образом доброго божества, которого превозносят наивные проповедники, приводит к увеличению количества неверующих.

Идея доброго божества приводит к тому, что церкви пустеют, потому что никто в нее не верит.

Бог евреев, свирепый Иегова, этот мстительный Молох, обоняние которого нужно ублажать запахом жареного ягненка, следует считать более логичной формой божества, ответственного за организацию наших кровавых игр.

Но такие понятия, как добрый или злой — это понятия чисто человеческие. Бог — это всего лишь имя, которое мы даем образу того, что есть Нечто, Основополагающий Принцип, Сила, Идея, Дух, Воля, то есть то, что мы не в состоянии ни представить, ни назвать. Нам стоит воздержаться от того, чтобы раскрашивать этот образ красками нашей жалкой человеческой палитры. Казни, которыми Иегова карает народ Израиля за то, что евреи относятся к нему с недостаточно безоглядным обожанием, несомненно, являются отображением наказаний, которые неизбежно обрушатся на человека, если тот нарушит равновесие законов Вселенной. Тот, кто наклоняется слишком сильно, немного сильнее, чем нужно, совсем чуть-чуть сильнее, в конце концов падает. Это верно как для отдельной особи, так и для вида в целом.

Наличие силы тяжести на оправдывает нарушение равновесия.

Напротив, благодушие Иеговы, ставшего христианским божеством, свидетельствует, что достаточно выпрямиться, пусть даже в самый последний момент, чтобы не упасть.

Сила тяжести способствует равновесию.

41

Если бы Бог нуждался в обожании, он бы создал только собак. Собака гораздо более склонна к любви, чем человек. Если пес, которого хозяин давно не кормил и постоянно избивал, а в конце концов швырнул в воду, сможет остаться в живых, он приползет, скуля от любви, к его ногам. Вот образ верующего, о котором мечтает любая Церковь.

Если этот верующий воистину сгорает от любви к неясному понятию, которое он считает Божеством, к тому же без малейшего налета эгоизма, без заботы о своем уголке Рая, без страха перед смертью, то это не может быть для него благом. Так прекрасно всегда любить!

Но Бог, которого он обожает, это всего лишь творение его незрелого разума, который отчаянно пытается уцепиться за надежную руку отца.

Что касается Того-Что-Мы-Называем-Богом, не зная, как следует называть Это, то следует иметь в виду, что имя, по своей сути, является определением, и то, что нам неизвестно, не может быть определено. Из этого с очевидностью следует, что Это не может быть ни сентиментальным, ни мстительным, ни добрым, ни злым, ни каким-либо иным, что позволило бы нам подумать о наименовании, то есть, об ограничении.

Обожание Божества, которое рекомендуется всеми религиями, является полным и ежеминутным единением с порядком и равновесием Творения. Все, что не является при этом человеком, участвует в этом пассивным образом. Человек, снабженный зародышем разума, имеет возможность участвовать в этом осознанно и добровольно. Иначе он должен отвернуться, чтобы не рисковать падением.

Таков, возможно, смысл понятия о первородном грехе: исходя из своего происхождения, исходя из того, что он есть, из того, что он есть то, что он есть, человек может выбирать. Он может творить зло, или творить добро.

Разумеется, речь не идет о добре и зле в соответствии с той или иной моралью, неважно, христианской или папуасской.

Речь идет о хорошем или злом поступке, потому что именно поступок присутствует или отсутствует в структуре Творения.

Но сегодняшний человек не имеет возможности выбора, потому что он больше не знает, где добро. Ему предлагают множество того, что считается "добром" или благом: благо моральное, политическое, легальное, социальное, семейное, религиозное. Но подлинное благо ускользает от него, он даже не

знает о его существовании. Он не имеет возможности сотрудничать с порядком Творения, потому что он не знает этот порядок и свое место в этом порядке. И он создает беспорядок самим фактом своего существования вне порядка.

42

Во всех религиях Божество — это символический образ Истины.

Священные книги сообщают нам с многочисленными подробностями, что такое Создатель, как он создавал, каковы его взаимоотношения с творением, его основания для творения, чем для него являются созданиями каково место каждого из них в рамках всего.

Но все это рассказывается нам символичным языком и самой большой ошибкой было бы верить рассказываемому.

Что касается содержания символов, то его характерной особенностью является то, что оно кажется очевидным, когда ты знаешь его, но когда ты ничего о нем не знаешь, то обо всем крайне трудно, если не невозможно догадаться.

Каждый символ, с другой стороны, может быть интерпретирован множеством способов, и каждая трактовка является абсолютно истинной при условии, что ты достаточно подготовлен, чтобы прочитать ее по образу.

Среди всех значений символа имеется одно, из которого вытекают все остальные и знание которого позволяет прочесть все соседние символы.

Нужно знать всю совокупность этих первичных значений, чтобы иметь возможность читать "как открытую книгу" священные тексты.

Это не означает, что факты, которые они рассказывают нам, являются баснями. Любое историческое событие, всякая жизнь, любой поступок, любая дорога, каждый стебелек травы, каждый камешек, своей формой и своим местом в пространстве и времени обозначает нечто большее, чем то, что прочитывается и может быть прочитано.

Но, чтобы уметь читать, нужно научиться этому.

Кто же является преподавателем этой науки?

Священники.

Священники существуют именно для этого. Священники получили ключ к алфавиту и им поручено передать его дальше.

К сожалению, они потеряли его по пути.

Религию можно сравнить с ребенком, которого отец отправил с посланием на другой конец города. Чтобы не забыть его и чтобы ничего не напутать, ребенок выучил послание наизусть и тысячу раз повторил его по дороге. Постепенно фразы послания слились с ритмом его дыхания и его шагов, утратили свои точки и запятые, лишились многих слов. Когда, наконец, он принялся

пересказывать текст адресату после того, как пережевывал его всю дорогу, от него осталась лишь уродливая, не имеющая никакого смысла последовательность обрывков слов.

Тем не менее, даже изуродованное послание содержит весь первоначальный смысл. Может быть, достаточно внимательно вслушаться в него, чтобы восстановить исходные слова и фразы. Вероятно, это не является невозможным.

43

Все религии мира рассказывают нам с удивительно точно повторяющимися деталями одну и ту же историю о том, что все человечество в один из периодов своей истории обладало одним и тем же знанием, было уверено в одних и тех же истинах. Это продолжалось вплоть до момента всеобщей сумятицы, о которой рассказывает нам Библия в эпизоде о строительстве Вавилонской башни.

"Построим город и башню, вершина которой достигнет небес."

Несомненно, эта фраза из Книги бытия является резюме длительной эволюции человечества и изложением попытки достичь — с помощью неведомой нам техники — положения, "высшего" по сравнению с тем, которое человечество может занять в рамках естественного развития. В какой плоскости — материально, биологической или духовной — наши предки собирались "достичь небес"? Ничто не говорит нам об этом. Нам сообщается только то, что люди в то время были единым народом и говорили на одном языке. Это означает в то же время и то, что они обладали одним и тем же знанием.

Нам также становится ясно, что попытка наших предков могла закончиться успехом. Потому что сам Яхве, являющийся Порядком Вещей, замечает в связи с этим: "Отныне ни один их замысел не будет для них невыполнимым."

Но они в спешке, или будучи поглощенными своими амбициями, забыли о своем предназначении и нарушили основные законы.

Только с запасом воздуха и пищи, надежно защищенные от холода, жары, излучений, ударов, усталости, молчания и света, от всех невыносимых для человека условий, космонавты смогут оторваться от среды своего обитания и достичь других планет. Вполне возможно, что в духовном плане все обстоит аналогичным образом, и что человек, чтобы стать чем-то большим, чем просто человеком, должен позаботиться, чтобы не забыть, что он человек.

Наконец, нам сообщается, что нарушение законов, будь они физическими, биологическими или духовными, вызывает немедленные санкции: "Спустимся!" — говорит Яхве.

Это "Спустимся" звучит ужасно. Можно представить, что вы слышите сам голос Единого Закона Вселенной, закона, который пытался найти Эйнштейн, закона всемирного тяготения, который заставил рухнуть Икара на землю и от которого зависит вращение

галактик.

"Спустимся! И там смешаем их язык, чтобы одни перестали понимать других."

Революция? Гражданская война? Или медленное угасание? В любом случае, цивилизация, которая разработала этот проект завоевания неба, оказалась в положении, когда ее социальная организация погибла, ее единство рухнуло и ее элементы рассеялись по всему обозримому пространству.

"И Яхве рассеял их по всей поверхности Земли."

Каждая частица рассеянного по планете человечества, каждый народ, каждая нация, можно даже сказать — каждый человек стали говорить на своем собственном языке и перестали слышать и понимать то, что говорит сосед. Первичный язык, на котором излагалась Истина, был забыт. Глагол, который был обозначением, превратился в выделение.

Посмотрите, как ведут себя женщины, сидящие за чайным столиком или толпящиеся вокруг рыночного прилавка. Каждая из них с застывшим взглядом и прерывистым дыханием рассказывает, рассказывает, рассказывает свою историю и не слышит ни единого слова из того, что говорят ее соседки. И не имеет значения, слышит ли она, слышат ли ее. Ей нужно говорить, чтобы ощущать себя живой. В этом весь смысл. И то же происходит в ООН.

Но в каждом фрагменте рода человеческого сохраняется смутная ностальгия об утраченных знаниях, которые позволяли достичь небес. Точно так же в самых различных языках сохранились корни, общие с основными корнями единого языка.

Похоже, что знание не было забыто полностью, и что оно продолжало передаваться с помощью устной традиции в закрытых кругах, вокруг которых бурно расцветали различные религиозные организации. С помощью своих книг, своих догм, своих ритуалов, архитектуры своих храмов религии излагали истину в достаточно эффектной и совершенно непонятной форме символов. А за этим фасадом священники передавали от поколения к поколению истинное знание.

Почему существует такая тяга к эзотеризму? Несомненно, потому, что те, кто сохранял знание, считали, что оно не могло быть понято и усвоено массой представителей нового человечества. Это возможно. Например, далеко не всякий способен понять квантовую физику или стать политехником. Но любой может попробовать. Из преподавания математики никто никогда не делал тайны. Каждый обучающийся начинает с того, что усваивает элементарное дважды два — четыре. Те, кто не могут понять большего, останавливаются, а те, кто способен на

большее продолжают и становятся бухгалтерами, инженерами или нобелевскими лауреатами.

Но те, кто застрял на дважды два — четыре знают, что математика продолжается гораздо дальше, и что путь, от которого они были вынуждены отказаться и на котором более способные продвинулись далеко вперед, это не Луна-парк, населенный бородатыми призраками.

Потому что никто не делал секрета из того, что многие не могли понять, потому что никто не заставлял их усваивать теоремы в виде басен, потому что никто не заставлял их обожать Отца Логарифма, восседающего на облаке. Именно поэтому никто из недостаточно понятливых не испытывает соблазна отрицать, что он не способен понять многое. Они верят в математику именно потому, что они уже столкнулись с ней, и, несмотря на их незначительный прогресс в познании математических законов, они умеют пользоваться ими когда торгуются на базаре или играют в белот. Никто из них, проезжая по мосту Танкарвилль (подвесной мост через Сену вблизи от ее эстуария, длиной около полутора километров), не способен испытать глубочайшее наслаждение инженера общественных работ, которому достаточно одного взгляда, чтобы оценить по достоинству шедевр математического расчета и одновременно эстетическую удачу строителей. Тем не менее, это не мешает им пользоваться мостом, находить его великолепным и с успехом рассчитывать сбереженное время и сэкономленный бензин. Для подобных людей математика является частью их знаний, их поступков и их чувств, разумеется, все это в меру их способности понимать ее. Но так или иначе, они знают, что существуют правила математики, превосходящие их способность к пониманию.

Если бы религии правильно сыграли свою роль, то же самое было бы и с пониманием Бога. Каждый из нас знал бы о нем именно столько, сколько в состоянии понять.

Я верю со всей силой своих инстинктов, со всей силой своего разума, я глубочайше убежден в уме и в равновесии моей мышечной машины, что правда о Боге не более загадочна, чем научная истина.

Но мы отравлены дымом благовоний, воздвигнутых перед нами подобно стратегическому занавесу между Богом и людьми.

Мы все иконопоклонники или иконоборцы, даже те из нас, которые со всей силой своего интеллекта пытаются освободить идею Бога от всего того налета, который был нанесен на нее цивилизациями, сделавшими из нас то, что мы есть. Вы сталкиваетесь со словом "Бог" и мгновенно срабатывает рефлекс "за" или "против": нам не удается ни самим освободиться, ни

освободить его от идолопоклонничества.

Беда в том, что на протяжении тысячелетий разум удерживался вне храмов. На протяжении тысячелетий религии требовали от человека, чтобы он верил, а не знал. Единственной дозволенной для него формой знания было интуитивное знание, внутренняя озаренность. Да и этого было слишком много. Паскаль знал математику, не изучая ее. То же было с музыкой у Моцарта. Но сколько таких гениев, как Паскаль, как Моцарт может насчитать человечество в изучении математики, в овладении музыкой, в познании Бога?

Для всех остальных, для гигантских толп, несущих в храмы вечное страдание человека, потерявшегося в этом жестоком мире, не остается ни единого шанса найти путь. Ритуалы, обряды, жесты и слова, которые должны были бы привести их к Богу, заводят их в тупик слепого обожания и страха. И нет никого, кто бы мог объяснить им подлинный смысл того, что им было сказано, того, что им было показано, того, что от них требовалось. На протяжении бесконечных времен те, кому было поручено передать человечеству истину, будучи вынужденными выражать свои мысли в виде образов, пришли к тому, что сами начали верить в эти невероятные образы и больше не умеют потребовать от верующих ничего иного, кроме не способной рассуждать веры. Слишком хорошо скрытая истина с неизбежностью должна была погибнуть, задохнувшись в своем укрытии. Но, может быть, еще можно вернуть ей жизнь, может быть, есть еще время убрать обломки, пробить стены, извлечь на дневной свет гибнущую Истину и оживить ее, поделившись с ней своим собственным дыханием…

44

Если справедливо, что было Время Знания, то каким образом это знание пришло к человеку? Кто рассказал человеку, что есть что и что есть он? Кто сообщил ему все то, что он забыл потом?

Большинство преданий говорит о некоем Откровении. То есть о послании, непосредственно передающем знание от творца в сознание его творения.

Как можно представить себе эту передачу?

Зевс грохочет из облаков. Яхве вещает из пылающего куста или с вершины Синая. Иисус проповедует на вершине горы или на берегу водоема. Будда общается с учениками под сенью дерева…

Это образ, характерный для всех религиозных учений, образ, который следует принимать с осторожностью прежде всего именно из-за простоты, с которой он нам преподносится, но и не отбрасывать его из-за этой самой простоты.

Бог говорит с человеком в горах, из куста, на берегу реки, вещает из глубин неба… Бог говорит, находясь в своем творении

Послание от Того-кто-создает тому-кто-был-создан — это само Творение, это сотворенное существо. Откровение — это творческий акт. То, что создано, тем самым становится доступным всем. Это представляется очевидным: вся истина о мире — это сам мир. Вся истина о человеке — это сам человек. Послание находится вокруг нас и в нас самих. Нужно только расшифровать его.

Но мы оказываемся в положении не умеющего читать ребенка перед открытой книгой: мы рассматриваем ее, мы перелистываем страницы, но мы не знаем, о чем говорится в книге, потому что нет никого, кто научил бы нас читать.

Рассерженные своим незнанием, мы старательно изучаем книгу, анализируем знаки, заполняющие ее страницы, сравниваем их; постепенно мы начинаем узнавать буквы, наконец, понимаем, что из букв составляются слова, но по-прежнему не представляем, что они означают. Мы усвоили словарь, разобрались в законах, которым подчиняется синтаксис мироздания. Мы способны составить отдельные правильные фразы, даже целые главки из книги Творения. Но мы применяем слова и складываем из них фразы и абзацы не представляя смысла даже самого простого сочетания значков, из которых все это состоит.

45

Откровение неотделимо от Творения, а Творение — это всеобщий и постоянный процесс.

Первый день творения никогда не кончается. Мы все еще находимся на заре времен. И, в то же время, в сумерках седьмого дня. Все, что следует друг за другом, в то же время является одновременным. Это кажется нам противоречивым, потому что наше сознание не создано для того, чтобы охватывать временную длительность на всем ее протяжении; мы выхватываем только краткий миг из течения времени. Точно так же наше тело способно перемещаться в пространстве только в одном направлении в каждый данный момент времени. Разумеется, это не мешает существовать другим направлениям.

Творение — это настоящее. Откровение — тоже. Все было создано в любой из моментов. И все нам сообщается и повторяется постоянно. Но мы больше ничего не слышим.

Время познания было тогда, когда все люди были способны слышать.

Затем наступило время веры, когда те, кто еще продолжал слышать, требовали у тех, кто уже не слышал, чтобы они доверяли и верили им.

Сегодня наступило время смущения. Никто больше ничего не слышит и все верят кто во что горазд.

Нужно надеяться, что наступит время очевидности. Бог должен показаться нам, стать для нас столь же очевидным, насколько очевидно, что дважды два — четыре.

46

Несколько лет назад английский ученый Фред Хойл явился виновником скандала, предложив новую модель вселенной. Согласно этой модели, творение материи происходит непрерывно, везде и в любой момент из пустоты возникают атомы водорода. Поскольку известно, что атом водорода является своего рода элементарным кирпичиком материи, то это означает, что Вселенная непрерывно строится из ничего. В тот момент, когда ученый мир начал привыкать к этой идее, сам Хойл отказался от нее, поскольку установленные недавно некоторые космические явления, как ему показалось, противоречили его гипотезе. Нет ничего невозможного в предположении, что завтра Хойл или какой-нибудь другой астроном сумеет доказать эту гипотезу или придумать новую. Это все равно будет иметь отношение только к ничтожному кусочку пространства, к этим нескольким миллиардам световых лет, простирающимся не дальше наших вытянутых рук. Этот уголок пространства немногим больше нашего дома, пожалуй, даже не больше нашего кармана.

Вся Вселенная протяженностью в миллиарды световых лет, Вселенная, окружающая нас со всех сторон, от объема которой наша мысль занимает жалкую пылинку, всеобщая Вселенная началась в начале.

Здесь нужно употребить слово, которое означает то-что-не-имеет времени, точно так же, как слово точка означает то, что не имеет размеров, то-что-не-занимает-пространства.

В начале начал, из того-что-не-имеет-времени вышло время и потекло в прошлое и будущее. Благодаря этому, теперь мы можем задавать себе вопрос, что было до этого начала, потому что для человеческого сознания, которое существует во времени, всегда имеется то, что было раньше. Но время началось в начале. До начала времени не могло существовать раньше. Бог есть то, что не имеет начала. Истина не имеет начала. Дважды два четыре. Это истина. Она была справедлива до начала и будет справедлива после того, как все закончится.

После начала возникло до и после, появились время и пространство, а также Вселенная, которая их занимает.

Вселенная находится везде, но она стремится занять бесконечность, которая не может быть заполнена, потому что она бесконечна. Следовательно, Вселенная находится в состоянии расширения. Каждая ее точка удаляется от любой другой точки с постоянной скоростью.

Если принять одну из этих точек за центр, и допустить, что

она неподвижна, то другие точки, разлетающиеся от нее во все стороны, будут двигаться с суммирующимися скоростями, то есть, чем дальше от центра находится точка, тем с большей скоростью она движется. Астрофизики хорошо знают это явление и даже смогли рассчитать соответствующие скорости. Наиболее удаленные от нас галактики, недавно обнаруженные на невообразимо больших расстояниях, удаляются от нас со скоростью, приближающейся к скорости света. Когда они достигнут ее, ничто, ни одна из разновидностей волн, испускаемых ими, даже сам свет не смогут достичь Земли. Эти галактики исчезнут из нашего мира, выпадут из нашей Вселенной, и никаким образом не смогут быть обнаружены.

Практически для нас они попадут в ничто. Они даже должны будут оказаться в этом ничто абсолютно полно, если верить формулам Эйнштейна. Но для этого необходимо, чтобы скорость была абсолютной величиной. Мы же знаем, что она является величиной относительной. Скорость сама по себе не существует. Скорость любого объекта во Вселенной существует и может быть измерена только по отношению к другому объекту. И наоборот. Можно сказать, например, что ракета улетает с Земли со скоростью V. Но можно считать и то, что ракета неподвижна и что это Земля удаляется от нее со скоростью V. И вся Вселенная разгоняется вокруг этой ракеты. Все это приводит к пониманию абсурдности известного парадокса Ланжевена и объясняет абсурдность его выводов.

Если рассматривать Землю как центр Вселенной, к чему мы обычно довольно легко склоняемся, в этот самый момент, когда вы читаете эту книгу, на расстоянии в миллиарды световых годов от книги и от вас какая-то галактика достигла скорости света относительно Земли, исчезла из вашего мира и попала в ничто.

Но эта галактика, в свою очередь, тоже является центром Вселенной, и для нее в этот самый момент именно мы, то есть вы и я, а также Земля, Солнце, Млечный путь достигнут предельной скорости и мы исчезнем…

Одновременно точно посередине между нами и той невообразимо далекой галактикой существует точка, от которой и мы, и галактика удаляемся с одинаковой скоростью и которая удаляется от нас и от галактики с одной и той же скоростью, но в разных направлениях. Мы видим эту точку удаляющейся от нас в направлении далекой галактики, и наблюдатель этой далекой галактики видит, как точка удаляется от него по направлению к нам. И точки, которые находятся справа видят, как она удаляется влево, а те, которые находятся слева, видят, как она удаляется вправо. Аналогично, точки, находящиеся сверху, видят, как она

опускается, а точки, находящиеся внизу, видят, как она поднимается. И все эти движения реальны.

Каждая точка Вселенной в одно и то же время является неподвижной и находится в движении — одновременно во всех направлениях и со всеми возможными скоростями.

Вселенная неподвижна для каждой своей отдельной точки и расширяется в целом. Она уже занимает все точки, которых может достичь в процессе расширения. Она занимает все пространство и тем не менее не перестает расширяться. Если бы она оставалась неподвижной, это означало бы, что она заключена в ограниченном пространстве, а мы знаем, что бесконечность не имеет пределов. Бесконечная Вселенная занимает бесконечность но не заполняет ее. Ничто не в состоянии заполнить бесконечность. Непрерывно расширяясь на протяжении вечности, Вселенная никогда не достигнет своих собственных пределов, потому что она уже находится везде.

Вселенная была создана в начале, но начало является постоянным. Она есть материя, энергия, пространство и время. От электрона до маргаритки, от камешка до галактики, она является нашей Вселенной, Вселенной, улавливаемой нашими естественными органами чувств или их продолжениями и лишь фрагмент от которой может осознать наш разум. Она является данной нам очевидностью.

47

Каждая частичка Вселенной, от микрокосмоса до макрокосмоса, является словом послания. Взаимоотношения между словами, атомы и молекулы, листья с ветвями, фруктами и корнями, кровь и кости, вес и падение, тот, кто ест и тот, кого поедают, звезды и Млечные Пути образуют всеобщий смысл, который мы сейчас уже не умеем расшифровывать ни в деталях, ни в равновесии его частей, ни в великой и простой очевидности всего.

Если прочесть стебелек травы, горсть земли, толпу прохожих, котенка, летние звезды, все это должно самым простым и самым глубоким образом привести нас к Познанию. Вселенная — это книга, которая пишется непрерывно и в полной ясности. Человек — это слово, фраза, глава этой книги, но он больше не умеет читать ни самого себя, ни другие страницы. Своим телом животного он продолжает оставаться частью великой реки творения. Он всего лишь капелька в потоке, который он пересекает и с которым связан их общей подвижностью. Он находится в нем всеми своими клетками. Но ему кажется, что своей мыслью ему удается освободиться от этой зависимости, чтобы стать свободным и исследовать реку, как ему захочется. Он утратил направление потока. Поток продолжает увлекать его, но человек уже не знает, куда.

Он придумал себе новые алфавиты, которые заставили его забыть азбуку Вселенной. Он разработал науки, которые заставили его забыть знание. Все его внимание обращено на видимость предметов и явлений и не улавливает их истинного смысла. Он подобен любопытному ребенку, который обводит пальцем контуры букв, которые он не способен прочитать. Он взялся инвентаризировать все сущее, но не представляет, почему оно существует.

48

Главными кирпичиками, из которых построена наша Вселенная, являются атомы водорода. И не имеет значения, были ли они все сразу созданы в Начале начал, или они продолжают возникать непрерывно и повсеместно; выходят ли они из пустоты, или образующие их элементарные частицы являются жестко заданной формой вечно существующей примитивной вневременной материи. Не важно, каковы тайны их возникновения и законы существования. Вся материя имеет своим источником водород: пылающие звезды, каменные планеты, континенты с их водами и землями. И та микроскопическая клетка, которая начинает жизнь, которая выпускает уходящий в почву корень и становится деревом.

Ничто изменяется и становится атомом.

Атом изменяется и становится материей.

Материя изменяется и становится жизнью.

Корни дерева питаются почвой и инертная материя становится живой материей, превращается в цветы, соки, запахи.

Животное поедает растение, поедает зерна и листья дерева, и материя становится крылом, кровью, глазом.

Человек поедает растение и животное и материя становится мыслью.

Каким может быть продолжение?

Кто будет участвовать в нем?

Кто будет питаться человеком? Чем станут наши радости, наша переваренная кем-то любовь?

49

Превратившись во взрослого, способного логично рассуждать, сегодняшний человек больше не может верить в того инфантильного Бога, которого ему навязывают. И он больше не представляет истинного значения Имени.

Утратив понимание архитектоники Творения, не представляя места, которое он в этом Творении занимает, и цели, которая поставлена перед ним всем его существованием, человек отчаянно ищет смысл жизни. Он осматривается вокруг себя, но видит только смесь ужасов и чудес без какого-либо порядка и обоснования. Может быть, он и смог бы прочесть то, что записано в этом тумане из крови и золота. Но он утратил знание кода. Все кажется ему бессвязным; страдание не может искупиться, чудеса остаются бессмысленными и бесполезными.

У человека остается одна-единственная уверенность: он сам.

Он довольно смутно представляет особенности своего телесного и ментального существования. Он почти ничего не знает о себе, но он ощущает себя живущим.

Он дышит, он переваривает пищу, он прикасается к окружающим его предметам, он теряет кровь. Он знает, точнее, считает, что знает: это создание, которое является им, этот живой организм, что радуется и страдает, существует по меньшей мере от его начала и до его конца.

В результате он начинает верить в самого себя.

Но это не способно привести его достаточно далеко: он приходит всего лишь к смерти.

В этот тупик неизбежно попадает человек, наш современник. Он беспомощно упирается носом в стену перед собой. Его ногти сорваны, пальцы кровоточат, но он продолжает попытки перебраться через эту стену или проделать в ней дыру.

Это лучше, чем отчаяние. Ведь не исключено, что стена в конце тупика не является непреодолимой. Тупик может неожиданно превратиться в начало пути.

50

Мы занимаем свое пространство и свое время. Мы живем здесь, мы выполняем свои обязанности, никогда не покидая свое пространство и время. Мы — рабочие, механики, инженеры завода без дверей. Мы всегда находились внутри. Мы даже родились здесь. Мы не знаем, каким образом он был построен. Кем, когда и зачем. И мы не представляем, что изготовляет этот завод.

Пытаясь облегчить нашу участь, мы изменяем изначальную задачу механизмов, мы разрушаем некоторые из них и создаем другие, вызывая этим нарушения и несчастные случаи, не представляя, как это отразится на механизме в целом и на его конечной продукции. Важно лишь то, что мы получаем нужные нам материалы, которые мы используем, чтобы изготовлять одежду и продукты питания. Или чтобы сидеть на том, что получилось. Занимаясь этим, мы постепенно увлеклись механикой. И нам обязательно нужно знать, как функционирует завод. Нас не интересует, почему. Для нас имеют значение средства. И не важен конечный результат.

В учебных заведениях со строгой дисциплиной мы воспитываем специалистов, которым поручено произвести полную инвентаризацию завода. Каждый из них, занимаясь своей областью, пересчитывает маховики, поршни, шестеренки, болты, прессы, шпиндели, оси, цилиндры, клапаны, турбины, измеряют шаг резьбы у гаек, которыми фиксируется рукоятка метлы, прослеживают подведенные кабели, отмечают устойчивые связи между причиной и следствием, из которых выводят законы функционирования завода. Ведь если притормозить ротор, он будет вращаться медленнее; то, что помещается под паровой молот, оказывается сплющенным и т. д. Они дают название каждому винтику, отмечают его размеры и вес на специальной карточке, указывают его положение на плане, его сходство или отличие от других винтиков на эволюционном древе, анализируют металл, из которого он сделан, определяют размеры слагающих его молекулами, изготовляют чудовищные устройства, на которых пытаются получать аналогичные молекулы. Может быть, проявив максимум усилий, изобретательности и, разумеется, при огромных материальных затратах и наличии везения, им удастся сделать весь винтик… Откуда берется энергия, необходимая для функционирования завода? Они не могут сказать, да это и не важно, потому что они научили нас, как использовать завод для удовлетворения наших текущих

потребностей.

Что производит завод? Это не наша забота. Мы все лучше и лучше понимаем, как собраны механизмы и как они действуют, и мы ощущаем все более и более сильное удовлетворение. Не имеет значения, во что в конце концов превращается сырье, поступающее на завод. Конец конвейера находится за его стенами. Нас же интересует то, что расположено внутри.

Чем становится горсть земли, превратившаяся в траву, которая превращается в бифштекс, который превращается в человека, который превращается в мысль?

Не имеет значения, знаем ли мы, сколько листочков находится на стебельке злака, если мы знаем объем четырех отделов желудка жвачного животного, если мы можем определить время, необходимое для нервного импульса, чтобы проделать путь от мозга до руки Паскаля, который пишет свои "Мысли".

Но Кто построил Завод?

Очевидно, никто, потому что он уже существовал, когда мы появились на свет.

Ну, а вы, вы видели Конструктора?

Кое-кто тем не менее утверждает: было время, когда на месте завода находился пустырь. И тогда пришел Великий Прораб. Он хлопнул в ладоши, и появился завод. И он сказал рабочим: "За работу! И поживее!"

Но будьте осторожны! Мы не видим его, но он всегда присутствует, сидя на вершине высокой трубы. Он наблюдает за нами через застекленную крышу и фиксирует все происходящее! Если мы лодырничаем, если мы саботируем, то он вычеркивает нас из списков у вахтера и мы готовы для ночлежки. Но если ты послушен и старателен, то ты имеешь право на место в кемпинге на Лазурном берегу, где будет оплачиваться твой вечный отдых

…

51

Среди живущих сегодня людей, занимающих это пространство и это время, есть те, кто вполне удовлетворен ежедневно достигаемым прогрессом в инвентаризации их Вселенной.

Есть и те, кто пользуется расположением Великого Прораба на вершине трубы.

Но есть и люди, все более и более многочисленные, которые не могут удовольствоваться составлением каталогов внешних свойств предметов и существ, которые не могут верить в Деда Мороза. Которые сознают, что не знают самого существенного и верят, что познать его, найти его вполне возможно.

Но найти его — где? Найти его — как? Я не знаю. Если бы я знал, я бы кричал об этом на каждом углу.

52

Иисус сказал законникам:

"Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ к знанию! Вы сами не вошли, и тем, кто хотел войти, вы помешали." (Лука, 11–52)

53

Но где находится дверь, которая открывалась этим ключом?

В какой точке Вселенной?

Она может быть только повсюду.

Бог не может находиться вне своего творения. Творец должен находиться внутри сотворенного, быть пленником своего произведения, которое он заполняет и которым он полон; он сливается с ним.

Задолго до возникновения христианства знак креста использовался для того, чтобы символически изобразить творение. Воля к творению (вертикальная нисходящая линия) проникает в несотворенное (горизонтальная линия); результатом является крест, то есть творение. Или же, если мы ограничим содержание символа: дух (вертикаль) опускается в материю (горизонталь) и результатом (крест) является жизнь.

В наиболее узком смысле знак креста может быть интерпретирован и таким образом: мужское начало (вертикаль) проникает в женскую сущность (горизонталь) и результатом (крест) является живое человеческое существо. Человек, тело которого ориентировано вертикально, когда он стоит, перечеркивается горизонталью его раскинутых в стороны рук — это живой знак креста.

Дух божий проникает в Марию и в результате появляется Иисус.

Мария — женщина, мать, море, материя. Иисус — мужчина, жизнь, творение, творец в сотворенной им же форме. Он видит, что с момента его зачатия крест со всеми своими значениями уже находится у него за плечами.

Распяв Бога на кресте, который есть образ творения и символ акта творения, христианство, несомненно, хотело нам постоянно напоминать, что творец, создавая, соединился со своим творением.

Следовательно, он находится повсюду в реальности, как той, которую мы воспринимаем, так и в той, которая находится за пределами нашего восприятия. И, поскольку его нельзя ни в чем ограничить, его невозможно разделить, когда мы разделяем сотворенное. Следовательно, он является цельным в любой своей части. Любой атом, подобно галактике, содержит в себе бесконечность со всеми ее законами.

Бог есть целое в каждой частице своего творения. Он есть целое в каждом создании.

Внимание! Он весь находится в тебе!

Он находится во мне!
Да, далеко же мы продвинулись, как же…
Ты ощущаешь это?
Ты, ноль…

54

Если Бог находится везде, то везде находится и ведущая к нему дверь. В розе, в котенке, в утренней звезде.

Но наиболее близкой к человеку дверью является сам человек.

"Познай самого себя".

Эти слова, начертанные на фронтоне храма в Дельфах, нельзя рассматривать как неопределенный совет некой туманной философии; нет, они точно указывают путь, маршрут которого познается в этом месте. Жрец брал верующего за руку и помогал ему продвигаться вперед, день за днем, все дальше и дальше внутрь храма. Храмом, в который проникал верующий, был он сам. Культ, мистерии — все это было приемом обучения в наиболее строгом рациональном смысле этого слова, какое только можно придать ему сегодня. Преподававшаяся в храме наука — свет храма — позволяла человеку заглянуть в себя. Похоже, что с тех пор еще не все источники света погасли.

"Если свет в тебе есть мрак, какой это будет мрак!" (Матфей, 6-22)

Сегодня нам остались только угасшие храмы, в которых служители Церкви, вместо того, чтобы объяснить человеку, в чем и как он является образом Бога, приказывают ему почитать божество, приниженное до человеческого уровня.

От действенных ритуалов остались только автоматические жесты и бесполезные слова. И тайна, которая помогала понять, превратилась в запрет понимать.

Человек, который ищет свет, с печалью отворачивается от темных храмов. И все же он знает, что свет существует. Именно это не позволяет ему умереть во мраке от отчаяния.

55

Множество людей запада, обескураженных тем, что Церкви сотворили с их религиями, отправляются на Восток на поиски открытых путей. Не похоже, что кто-нибудь из них нашел желаемое.

Если бы где-нибудь и имелся открытый путь, человечество ринулось бы по нему столь же неудержимо, как вода из водонапорной башни устремляется в открытый кран.

Вот что люди Запада смогли открыть людям Востока: внутри человека есть дверь, о которой он полностью утратил воспоминания. И эта дверь остается закрытой, как дверца сейфа. Разница между человеком запада и человеком востока заключается в том, что первый поворачивается спиной к бронированной двери, в то время, как второй, сидя перед дверью на пятках, медитирует и ждет, что она откроется сама собой.

"Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ…"

Горе нам, у кого перед носом захлопнули дверь.

Пути к Богу потеряны.

Бог может быть сейчас доступен только для авантюристов.

Но на одного, добравшегося до цели путешествия, сколько приходится заблудившихся в дебрях слов, хитростей, экзальтированности, умиления, глупостей.

Религии когда-то наметили пути к реальному через дебри видимостей. Пути, по которым могли пройти все, пути, по которым каждый мог продвинуться вперед так далеко, как ему позволяли силы и желание.

Но пришли Церкви, которые претендовали на то, чтобы рассадить пассажиров по машинам и регламентировать их путешествие. Машины и регламент стали более важными, чем само путешествие. Чтобы более надежно утвердить порядок среди путешественников, пришлось остановить автобус. Вскоре вообще забыли, куда он направлялся. Девственный лес затопил дорогу.

Похоже, что человечество, размножаясь и распространяясь, принялось тянуть истину во все стороны. В результате они разорвали истину на куски, и в наших руках остались лишь жалкие обрывки.

Но любой фрагмент есть образ всего, и если в принципе нельзя считать совершенно бесполезной попытку соединить отдельные обрывки, то лучше всего все-таки нам может помочь именно тот обрывок, который нам знаком лучше других.

Поэтому именно в христианстве, в котором был воспитан христианин, в буддизме для буддиста, в иудаизме для еврея верующий будет чувствовать себя наиболее удобно, чтобы возобновить паломничество к Истине.

Только по пути, проходящем через его страну, каждый путник сможет продвигаться вперед с наибольшей легкостью. При этом ему придется прорубаться с помощью мачете через преграждающие ему путь словесные привычки. "Придать более чистый смысл словам племени?" Нет, найти вновь прежний, первоначальный смысл.

58

Мое мачете для того, чтобы пробиваться через заросли — это разум. Я не могу, я не могу поверить ни во что иное кроме того, что было показано или доказано мне. И я обвиняю Церковь в том, что она лишила меня Бога, потому что она не может мне его показать или доказать. Когда они заявляют, что Бога невозможно показать или доказать, она доказывают только невежество, в котором они погрязли.

Церковь теперь не является домом Бога, она превратилась в дом морали, где излагают правила, которые ни в коем случае не должен нарушать человек, если он не хочет отказаться от вечной жизни. По сути, эти правила не способны ни приблизить, ни отдалить человека от Бога. Это просто правила, предназначенные сделать возможной жизнь в обществе и не дать разрушиться структуре человеческих объединений. У каждой Церкви имеются свои собственные правила, соответствующие обычаям общества, внутри которого они возникли. Они необходимы для поддержания совместной жизни, но не имеют ничего общего с богоискательством.

Для нас, верующих, адептов Священного Писания, предательство началось с Моисея (Исход, 34–29, 30, 31, 32, 33). Там совершенно отчетливо сказано:

"Когда Моисей спустился с горы Синай, у него в руках были две таблицы Свидетельства; спустившись с горы, он не знал, что его лицо светилось после беседы с Яхве. Аарон и все дети Израиля увидели Моисея, и лицо его светилось, и они не решились приблизиться к нему. Моисей подозвал их. Тогда Аарон и все вожди общины подошли к нему и он обратился к ним со словом. Потом все дети Израиля приблизились к нему, и он предписал им законы, которые передал ему Яхве на горе Синай. Когда Моисей закончил свое обращение к ним, он набросил покрывало на свое лицо. Когда он вставал перед Яхве, чтобы беседовать с ним, то снимал покрывало с лица, пока находился в шатре. Выйдя из шатра, он передавал детям Израиля все, что ему было приказано передать им, и дети Израиля видели, как светилось его лицо. Потом Моисей набрасывал покрывало на свое лицо и сохранял лицо закрытым до очередного посещения шатра для беседы с Яхве."

Я позволил себе подчеркнуть некоторые слова, которые излагающие суть драмы.

Напомним прежде всего, что священная гора, на вершине которой избранник встречался с Богом, это универсальный

символ, встречающийся на всех этапах жизни человечества и во всех цивилизациях. Идея подъема, высокого духовного положения, достигнутого после длительных усилий, и вершины, то есть достигнутой цели, когда больше нет необходимости в дальнейших усилиях, когда ты находишься над миром и видишь с вершины весь мир, эта идея достаточно ясна и очевидна, чтобы проявиться повсеместно в одной и той же форме, если, конечно, она не является результатом одной и той же традиции. Я ничуть не претендую — я вообще ни на что не претендую ни на одной странице этой книги — на то, чтобы отрицать материальность Синая. Вполне возможно, что Моисей действительно восходил на эту гору. Но любое действие, любой факт, любой жест могут быть отображены символами, имеющими универсальный смысл. В действительности поднимался Моисей на Синай или проделал это символически, это одно и то же. Перейдем к спуску.

"У него в руках были две таблицы Свидетельства".

Две таблицы? Почему две?

Значит ли это, что Моисею для записи текста оказалось недостаточно одной таблицы, и он был вынужден использовать вторую? Подобная интерпретация представляется довольно наивной. Эта вещественная деталь, не имеющая никакого значения, не должна была сохраниться и постоянно повторяться, как это происходит в изложении эпизода с Синаем. К примеру, кого интересует, сколько потребовалось страниц, чтобы записать американскую конституцию? Есть только одна Конституция. И есть две таблицы Свидетельства. Здесь явно имеет значение не количество, а качество. Есть две таблицы, а не одна потому, что эти таблицы различны. На этих таблицах были записаны разные послания.

Впрочем, во время своего первого пребывания на вершине Синая Моисей получает от Яхве "две таблицы Свидетельства, написанные рукой Бога".

Совершенно очевидно, что "рука Бога" не нуждалась в двух таблицах, чтобы записать послание. Не менее очевидно и то, что если придерживаться вещественной интерпретации, Моисею, который сам записал таблицы во время своего второго пребывания на Синае, не удалось бы обойтись только двумя таблицами, потому что у него был настоящий моральный, гражданский и уголовный кодекс, с детальным изложением всех статей, настоящий том, который он должен был передать "детям Израиля".

Если придерживаться буквы Священного писания, то мы приходим к невероятному заключению. Мы должны принять информацию в том виде, в каком она излагается для нас: было

две таблицы, то есть два послания.

Захватив с собой две таблицы, Моисей возвращается к своему народу.

"Он не знал, что после беседы с Яхве его лицо светилось".

Очевидно, этот текст тоже не следует понимать буквально. Лицо Моисея не превратилось в фонарь. Этот образ означает лишь то, что через посредство Моисея свет был передан евреям. Это также означает, что человек, открывший в себе двери для света, не может вести себя так, как раньше. Отныне его образ жизни, его образ существования озаряет окружающих таким светом, что они видят себя такими, какие они есть на самом деле, и этого они вынести не в состоянии. Они или спасаются бегством, или разрушают этот невыносимый свет, убивая его носителя.

Вся история человечества переполнена убийствами людей, несущих свет, начиная с Иисуса и на протяжении тысячелетий после него.

Оказавшись перед ликом Моисея, "дети Израиля" ограничиваются тем, что отворачиваются от него. Они не осмеливались приблизиться к нему. Но Моисей знает, что он не должен оставить себе двойное послание. Он настаивает:

"Моисей призвал их".

Но ни один из простых людей не сдвинулся с места. Только Аарон и все вожди общины подошли к нему.

Но мы знаем (Исход, 20-9, 10, 11), что Аарон и старейшины Израиля совершили с Моисеем часть восхождения на Синай, то есть часть духовного путешествия. До конца, до "вершины", которой не смогли достичь его товарищи, добрался один Моисей.

Но если они и не смогли получить свет, они искали его, они просили его, следовательно, они были готовы принять его и понять того, в ком этот свет уже находился.

Поэтому Аарон и старейшины отправились к Моисею, и тот обратился к ним со словом.

Вы улавливаете разницу со следующей фразой: осмелевшие благодаря присутствию своих вождей, стоявших между ними и Моисеем, "все дети Израиля приблизились к нему и он сообщил им приказы, которые отдал ему Яхве на горе Синай."

Следовательно, первым было передано Слово. Вторым — Приказы. Несомненно, эти два совершенно различных послания символизируются двумя таблицами.

Резюмируем сказанное выше. Итак Моисей поднялся на вершину горы Синай, достигнув таким образом высочайшего для человека состояния; там он видел и слышал Бога, то есть ничто во Вселенной не осталось для него скрытым или непонятным.

Тот, кто был озарен подобным светом, не может предпринять

ничего иного, как начать просвещать других. Поэтому Моисей хочет передать своему народу то, что он узнал и показать ему путь, по которому он прошел. Он призывает свой народ, но тот отказывается приблизиться. К нему подходят только те, кто тоже пытался найти свет. И вот именно к ним Моисей обращается со словом. А тем, кто не захотел приблизиться, он отдает приказы. Затем…

"Когда Моисей закончил свое обращение к ним, он набросил покрывало на свое лицо"

Все кончено. Отныне для тех, кто не захотел приблизиться, свет навсегда будет закрыт. Потому что тот, кто не пытается достичь его, не способен его принять.

Моисей закрыл свет, исходивший от его лица. Он позволял увидеть его только "когда выходил из шатра", где он беседовал с Яхве, и только для того, чтобы все знали: этот свет существует. Потом он снова набрасывал покрывало на свое лицо. Тот, кто хотел стать просвещенным, должен был подойти к нему и приподнять покрывало…

Таким образом, отныне в Израиле были люди двух категорий: те, кто получил Слово и стал передавать его от поколения к поколению, и те, кто получил только приказания. Но лицо Моисея оставалось сияющим под покрывалом и доступным для тех, кто хотел приблизиться к нему и приподнять покрывало.

Следовательно, это эзотерическое приобщение к мудрости, символизируемое сияющим под покрывалом лицом, говорит, что мудрость не должна была оставаться скрытой и недоступной; напротив, она с радостью передавалась всем, кто хотел этого.

История еврейского народа и его религии показывает, что так продолжалось недолго. И это вызвало необходимость появления в еврейском обществе другого носителя света, который сказал:

"Разве лампа существует для того, чтобы прятать ее под кроватью, держать под спудом? Разве она не создана для того, чтобы повесить ее как светильник?" (Марк, 4-21)

"Ничто не бывает столь скрытым, как то, что не должно быть показано; нет ничего тайного, что не должно стать явным." (Лука, 12-2)

"Горе вам, законники, потому что вы похитили ключ к знанию! Вы сами не вошли, и тем, кто хотел войти, вы помешали." (Лука, 11–52)

Те, кто "похитил ключ к знанию", потеряли его. Потому что тот, кто не передает Истину дальше, утрачивает ее. Тяжесть эгоизма заставляет его свергнуться с Синая.

Но свет, который принес Иисус, тоже был сокрыт. У еврейских законников нашлись достойные христианские

последователи. Лампа была вновь спрятана, ей оказалось недостаточно кислорода, и если она не полностью погасла, как можно было опасаться, она должна коптить, дымить, и жалкий язычок огня колеблется в агонии.

Подобно лицу Моисея, лицо Иисуса оказалось закрыто покрывалом. Те, кто вещает от его имени, ничему не могут научить нас, ничего не могут объяснить нам, ничего не могут сказать нам кроме того, что нужно верить и не следует пытаться понять.

Теперь это просто невозможно. Человечество переросло возраст, когда пытаются разглядеть в тумане лик Деда Мороза. Оно достигло школьного возраста, и учители каждый день показывают ему невероятные вещи, которым оно верит, потому что они были показаны и доказаны. Оно начинает отдавать себе отчет в огромности своего невежества, у него появляются мысли, что нельзя быть уверенным в том, что представляется очевидным, что реальность может находиться за пределами нашего восприятия. Оно готово двигаться к этой реальности, и уже не может принять объяснения, которые нам предлагает Церковь.

Рассказываемая ею история, в которую она хочет заставить нас поверить, история, лишенная своего первоначального смысла, оторванная от света, некогда освещавшего ее глубины, предстает сегодня перед нами как старая пыльная сказка, которая не в состоянии ответить на наши вопросы, не может удовлетворить наш разум, не способна успокоить наши страхи.

И все же именно в этом направлении должен вестись наш поиск. Именно за этими древними ликами, за этими изъеденными молью бородами, за этими выцветшими декорациями, за нагромождениями буфетов с вареньем находится сундук, в котором была спрятана лампа, когда-то излучавшая свет истины, и которая, может быть, все еще не погасла.

59

Моисей хотел принести две "таблицы" своему народу, но люди не захотели подойти к нему, и Моисей спрятал под покрывалом свое сияющее лицо.

Иисус хотел принести "благую весть" своему народу, но народ убил его. И те, кто находился вместе с Иисусом, поместили его в могилу.

Покрывало, сундук, могила… Суть всегда одна и та же. Свет истины скрывается теми, кто обязан его распространять. Но есть опасность, что спрятанный свет погаснет: могила Иисуса оказалась пустой. Мария Магдалина причитает: "Кто-то похитил Господина из могилы, и мы не знаем, куда его поместили."

Мы тоже не знаем этого.

Подобно тому, как Моисей обратился со Словом только к старейшинам, которые поднимались вместе с ним по склонам Синая, Иисус тоже предстал после того, как его поместили в могилу, только своим ученикам.

У старейшин и учеников была одна и та же обязанность: сохранить свет, передать его всем, кто хочет приобщиться к нему. Но последователи учеников Иисуса создали Церковь, чтобы поместить туда свет и сберечь его. Они спрятали его в подвале, где не должно быть сквозняков. И любопытных…

И последователи этих последователей, безмерно возвеличив Церковь, возведя гораздо более толстые стены, умножив пристройки, создав тайные укрытия, забыли о горящей в подвале лампе. Поэтому мы и знаем из двух посланий, полученных Моисеем, только то, в котором содержатся приказы или законы. Требования, которые следует выполнять под угрозой наказания.

Моисей в роли проверяющего условия контракта…

Строки, выгравированные на второй таблице, продолжают до наших дней связывать между собой всех людей Запада.

Даже в тех случаях, когда они относятся друг к другу как к омерзительным врагам, когда они с остервенением режут друг друга, ими управляет один и тот же Закон, который сохранился на протяжении тысячелетий и подчинил себе половину мира.

Но Закон — это не Знание.

Заповеди — это не наставления.

Чтобы уроки были эффективны, преподаватель может и должен добиться порядка в своем классе. Но если он тратит все время на то, чтобы дисциплина в классе соблюдалась должным образом вместо того, чтобы передавать ученикам свои знания, он перестает быть учителем и превращается в надсмотрщика.

Что касается Великого Вечного Покоя, который он обещает примерным ученикам за их хорошее поведение и уважительное отношение к главному надзирателю, то кто может принять его всерьез?

Какой интерес будет представлять для кого угодно, в том числе и для него самого, вечная жизнь какого-то Баржавеля или какого-то Дюпона? Вечный Дюпон, нержавеющий, неразрушимый Баржавель — вы способны представить это? Это может соблазнить вас? Вам понравится находиться в компании с ними? Да еще на протяжении вечности?

Это несерьезно.

Может быть, это и имело бы смысл, скажем, для розы…

Но мы знаем, сколько времени они могут продержаться.

Вот хороший пример "словесной привычки", на которую должна обрушиться молния поиска и разума: каким был в самом начале точный смысл выражения "вечная жизнь" до того, как оно было переведено сначала на иврит, затем на греческий, потом на латынь, потом на французский? Несомненно, он сильно отличался от того. который распространился для использования выражения бедными потерянными людьми, которые уже не знают, что такое жизнь и позволяют запугать себя идеей смерти.

Другой пример, с которым мы уже познакомились раньше, это знаменитая сентенция Екклезиаста: "Суета сует и всяческая суета".

Это всего лишь горький вздох, выражение разочарования, грустное замечание о незначительности интереса, который представляют, если подумать, все блага и удовольствия нашего мира.

Это выражение, рассмотренное с этимологической точки зрения и проанализированное с максимальной точностью, представляется нам как утверждение, что мир в том виде, в котором он доступен нашим чувствам, наш мир есть ничто иное, как пустота. Современные ученые констатируют с ужасом, что человек, написавший три тысячи лет тому назад, если не больше, эти строки, знал об этом.

"Пустота в пустоте, и все есть пустота."

Вот что было написано в оригинале. Перечитайте Екклезиаста, придав его фразе этот смысл, а не то неопределенно меланхолическое и не имеющее глубокого содержание обычное значение.

Вы не сможете не увидеть, какую глубину, какой удивительный резонанс приобретает весь текст. И вы сможете оценить, какой деградации он подвергся на протяжении тысячелетий, когда бесчисленное количество раз менялись языки, распространялось невежество и фальсификации.

Это должно быть справедливо по отношению ко всем древним текстам, начиная с первого слова Книги Бытия и кончая последним словом Апокалипсиса.

61

"И тогда Бог Яхве наслал глубокий сон на мужчину, который заснул. Он вынул у него из груди одно ребро и закрыл плоть на его месте. Потом из ребра, извлеченного из мужчины, Бог Яхве создал женщину…" (Книга Бытия, 2-21, 22)

Заметим прежде всего, что начало этого отрывка является точным описанием хирургической операции: анестезия, собственно операция, закрытие выполненного при операции разреза. Это позволяет предположить, что автор текста, живший пять или шесть тысяч лет тому назад, был членом общества, в котором операции под общей анестезией были делом привычным. Действительно, для изложения того, что он хотел сказать, он мог прибегнуть только к понятиям, понятным его современникам. Это может удивить только тех ученых, которые искренне считают себя первыми действительно цивилизованными людьми, появившимися наконец после длинной последовательности обезьян и дикарей.

Гораздо более удивительным представляется этот мужчина, у которого теперь недостает одного ребра. Поскольку речь идет о строении тела именно мужчины, типичного мужчины, все его наследники мужского пола должны были иметь на одно ребро меньше. Мы знаем, что это не так.

Но наука установила, сравнительно недавно, что у мужчин действительно кое что имеется в меньшем количестве, чем у женщин.

Тот, кто видел микрофотографию делящейся клетки, не мог не поразиться расположением в ядре клетки удвоенного набора хромосом. Хромосомы располагаются симметрично по обе стороны линии раздела клетки, подобно тому, как располагаются ребра относительно позвоночного столба. Сосчитаем хромосомы. У женщины их окажется 23 пары. А сколько у мужчины? 22 полных пары и одна неполная…

Сначала полагали, что у мужчины имеется только 45 хромосом. Когда исследователи рассмотрели клетку внимательнее, с помощью более мощных микроскопов, выяснилось, что 46 хромосома отсутствует не полностью: от нее сохранился небольшой обрывок.

Полной хромосоме биологи дали название Х-хромосомы, а обрывку — Y-хромосомы. В двойном ряду парных хромосом женщина имеет последовательность пар XX, полных и симметричных. У мужчины последняя пара оказывается ущербной: XY.

Известно, что хромосомы — это носители наследственности. Именно они несут приказы жизни, вида, расы, семьи, индивида. Что же происходит в половых железах мужчины, когда начинается деление клеток, чтобы дать начало двум сперматозоидам? Два сперматозоида поделят между собой все пары хромосом, включая последнюю пару, содержащую X и Y хромосомы. Один из них получит хромосому X, другой — хромосому Y. Сперматозоид X со всеми полными хромосомами, если ему удастся оплодотворить яйцеклетку, даст начало развитию девочки, все клетки которой будут иметь 23 пары хромосом, полных и симметричных.

Сперматозоид Y, который имеет 22 полных и одну неполную пару хромосом, даст начало рождению мальчика, все клетки которого будут иметь одну пару хромосом неполноценную и несимметричную. Так и хочется написать: ампутированную…

Я не подгоняю факты, я не жульничаю, чтобы то немногое, что я знаю в этой области, соответствовало какой-то предвзятой идее. Вы можете проконсультироваться с любым справочником по генетике, и вы увидите, с поддержкой графиков и фотографий, только следующую очевидность:

Именно хромосома X, полная хромосома, источником которой является мужчина, дает начало развитию организма женщины. И именно хромосомы X недостает мужчине.

Замените слово "хромосома" словом "ребро", и вы получите библейский рассказ, описание события, значение и необходимость которого мы не понимаем, и для которого наши микроскопы дают только механизм.

В Начале, Бог взял у мужчины хромосому, чтобы создать дженщину. Начало продолжается. Бог продолжает свою операцию. Кто есть Бог? Может быть, это План? Закон? Необходимость?

Это Бог. И другого имени не будет, пока мы не найдем его истинное забытое нами имя.

62

Мы должны начать с попытки восстановить подлинные слова Книги.

Например, какое слово находилось на месте слова "ребро" в тексте, написанном на латыни? Мой словарь дает мне слово "costa", имеющее тот же смысл и означающее "ребро". Очевидно, название имеет отношение к положению ребра (во французском языке слово "ребро" означает то же, что и "сторона" — Примечание перев.).

Можно полагать, что если бы хромосомы были названы нашими латинскими отцами, они могли бы носить то же название, что и название кости из Библии, потому что они, в момент своего обособления в ядре клетки, также располагались "с каждой стороны".

Хромосомы столь же стары, как и жизнь, но наука обнаружила их совсем недавно, и название, которое они получили, имеет отношение к их способности удерживать краситель, которым пользуются, чтобы сделать их доступными для наблюдения под микроскопом. Хромосома — от греческого "chroma" — цвет и "soma" и тело.

Это весьма недавно появившееся искусственное слово, возникшее в известной степени случайно.

Как бы назвал хромосому человек, описавший эпизод с ребром Адама, если бы ему пришлось назвать ее? По форме? По положению? По функции?

По форме и по положению, как мы видим, ее можно было бы назвать так же, как и ребро, потому что хромосомы, как и ребра, искривлены, и в решающий момент их существования, когда они обособляются и делятся, чтобы передать жизнь и ее приказы, располагаются парами, симметричными относительно оси.

Если бы название основывалось на функции, то автор мог бы опереться на то, что хромосома передает характеристики линии живущих. Это носитель форм жизни, может быть, вообще самой жизни.

Эпизод с ребром Адама, изложенный в Библии, безусловно, основывается на устном предании, древность которого мы не можем даже предположить. Аналогичный текст был обнаружен также на глиняных табличках из Шумера, которые, по-видимому, являются более древними, чем Библия. И у термина, использованного для обозначения того, что было изъято у Адама, есть еще один смысл: жизнь.

Может быть, в написанном на иврите библейском тексте, в

греческом или арамейском текстах вместо слова "ребро" использовано слово, обозначающее одновременно кривую и ребро, жизнь и передачу жизни, причину и форму жизни. Я не знаю, так ли это, потому что не знаю ни арамейского, ни греческого, ни иврита, ни даже латыни. С большим, очень большим трудом — французский. Я всего лишь средний человек, который знает совсем немного, но который испытывает яростное желание узнать больше.

63

Я не специалист по Библии, я не провел половину жизни, склонившись над ее страницами. Как и многие из вас, я пробежал ее пару раз, потом время от времени открывал то тут, то там. Я знаю ее не лучше, чем "Трех мушкетеров" и гораздо хуже, чем "Стрекозу и муравья".

Несколько только что прочитанных вами страниц, следовательно, не являются результатом длительных исследований, и во время их написания у меня отнюдь не валил дым из ушей. Это только некоторые сопоставления, которые случайно возникли в моей голове при прочтении отдельных эпизодов или фраз из Библии, которые знакомы практически всем. и их сравнении с научными фактами, доступными любому читателю научно-популярных журналов.

Я не посещаю ни Центр ядерных исследований, ни синагогу, я не кюре, не пастор, не ученый: я просто школьник, который ищет дорогу к школе. И я говорю себе, что если я, человек, почти ничего не знающий, все же смог случайно получить сопоставления между древними текстами и данными современной науки, то чего можно ожидать от коллектива целеустремленных исследователей, имеющих соответствующие знания и стремящихся разобраться в предмете моих интересов? Я мечтаю увидеть, как этими вопросами занимается целая академия ученых самых разных дисциплин — физиков, химиков, атомщиков, биологов, математиков, астрономов, электронщиков, историков, археологов, специалистов по древним языкам еврейских теологов, католиков, ортодоксов, протестантов, мусульман, всех, свободных в своих мнениях, лишенных научного или религиозного фанатизма, готовых признать и принять все, что сделало очевидным или доказало сочетание их разносторонних знаний.

Какой новый смысл или, скорее, какой древний смысл могли бы тогда получить древние слова!

Очень немногое из того, что нам известно о истоках египетской цивилизации, матери всех заадных цивилизаций, позволяет высказать предположение, что было время, когда у человечества не было раздельных науки и религии; их соединение образовывало то, что мы можем назвать Знангием. Ведь что такое, в действительности, наука, как не способ приближения к познанию всего сущего? И разве тот, кто знает Бога, не знает все сущее?

Только сближение и соединение религии и науки может дать

нам надежду, что это утраченное знание может быть однажды возвращено. Но мы не можем никоим образом принять, несмотря на наши устремления, на наши открытые знанию сердца, на ужасную жажду знаний, ни жалкие нравоучения, за которые отчаянно цепляется Церковь, ни туманный мистицизм, которые они предлагают самым требовательным. Пустые, искусственно сохраняемые мифы, похожие на тело, лишенное крови и сохраняемое благодаря применению благовоний: высохшая мумия, карикатура на когда-то цветущий организм.

При условии, что мы не пытаемся заставить себя принять высохшую кожу за горячую нежную плоть, она может сыграть свою полезную роль: вызвать у нас раздирающиее сожаление об исчезнувшей жизни, побудить нас отыскать под ее зачерствевшей гримасой то, что было невыразимой улыбкой истины, подобием которой она была создана.

64

Моя мать была протестанткой, а отец, бесконечно дорогой мне замечательный человек, был одновременно и католиком, и свободомыслящим. Ему довелось немного походить в школу, в основном, зимой, когда из-за плохой погоды овец и коз не выгоняют на пастбище и маленький пастух не нужен.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, любивший его отец взял сына за руку и отправился с ним пешком за двадцать семь километров в городок, где отдал в учебу пекарю.

Таким образом, он уже в юном возрасте научился месить руками тесто. Он стал сначала просто хорошим, потом отличным, наконец, замечательным пекарем. Он выпекал лучший в мире хлеб и более чем гордился этим — он был доволен. Если бы я мог верить воскресным историям, то я думал бы, смягченный и утешенный, что сегодня он занимается тем, что выпекает хлеб в раю.

Он был простодушен, наивен и щедр. Несмотря на эти его качества, характеризующие его как идеального "верующего", он никогда не "верил", потому что это не казалось ему достойным веры. Впрочем, это действительно так.

Прожив долгую трудовую жизнь, которая оставила его таким же бедным, как и в день двенадцатилетия, он скончался от быстро прогрессирующего рака после сорока восьми часов агонии, оставаясь до конца в полном сознании. В минуты, когда ему становилось особенно плохо, я брал его за руку и тихонько говорил: "Тебе нужно перетерпеть несколько тяжелых мгновений. Тебе скоро станет лучше…"

Он уже не мог говорить, но понимал все, что я говорил ему, и кивал головой. Он соглашался со мной.

Не пытаясь лгать ему, но с осознанной неопределенностью, я протянул ему двойную возможность утешения. Он мог отказаться или согласиться в материальном отношении, или же почувствовать смутную надежду. Но я понимал: он знает, что его ждет. Однажды утром, когда он еще мог говорить, он сказал с уверенностью: "Сегодня вечером я умру". Он, не веривший, что ему зарезервировано "где-то там" более или менее теплое местечко, на что он был согласен? Что лучше быть мертвым, чем агонизирующим? Было ли это его единственным убеждением? Или, когда тебе повезло умереть в полном сознании и не испытывая страха перед смертью, у тебя наконец появляется возможность, отрешившись от всего, даже от любви близких, понять, что тебя ждет?

И тогда он легким движением оттолкнул мою руку и продолжил свой путь в одиночку.

65

Мой отец ребенком пел в детском церковном хоре. Старичок-кюре из Беллекомба, говоривший на корявом местном наречии и знавший кроме него только латынь, обращался с малышом так, как в этих унылых горах принято вести себя с новообращенными и тощими местными овцами: он орал на него и время от времени награждал пинком ноги в мягкое место. Это ничего не показало и ничего не доказало ему. Как только он стал независимым человеком, добывающим пропитание умелой работой своих рук, он записался, чтобы доказать, что его дух столь же независим, в общество Свободной Мысли. Я помню, как мимо нашего дома, когда я был еще ребенком, проходила траурная процессия, хоронившая одного из свободномыслящих. В похоронах участвовало всего трое: барабанщик местного оркестра, несший трехцветный флаг, мой отец и сам усопший. Они прошли по пустынным деревенским улочкам под единодушно возмущенными взглядами обычно враждовавших протестантов и католиков, создававших на залитых солнцем улицах атмосферу ледяного осуждения.

Кто их этих двух лагерей — мгновенно объединенного скандалом двухпартийного населения и трех наивных людей, независимо повернувшихся спинами к зрителям, всех этих "благонамеренных" с одной стороны и "свободномыслящих" с другой (из трех последних двое еще мыслили, в отличие от третьего), кто мыслил как подобает, чтобы когда-нибудь начать мыслить о том, о чем нужно?

Первоначальное объяснение ситуации с двумя таблицами Моисея, разница между изложением эзотерической Истины и публичным объявлением религии, основанной на этой Истине, подтверждает, что суровую Истину трудно принять, и она должна быть приукрашена, чтобы стать более привлекательной и доступной для большинства.

Но постепенно Истина съеживается и становится жалкой внутри созданной декоративной оболочки, которая превращается в ничего не содержащую мишуру.

И когда даже самые наивные души, для которых специально создавалась эта мишура, все же приходят к пониманию ее сути и перестают воспринимать ее всерьез, она начинает играть роль, противоположную той, для которой была создана: она больше не привлекает сторонников, а отталкивает их.

Поскольку никто не может полностью раскрыть обман, приходится потерять всякую надежду, что люди возненавидят его

и восстанут против него, как против отвлекающего приема, пытаясь найти в существующей реальности не только правду, но Истину. Тем не менее, почти половина человечества уже начала отворачиваться от этого обмана, а для девяти десятых второй половины религия давно превратилась в смесь ментальных привычек, моральных правил, различных обязанностей и социальных запретов, а также неопределенных гарантий после смерти.

Остается одна десятая второй половины, которая верит, ни о чем не задумываясь, верит всему, что ей говорится в той или иной части света..

Но человечество в целом верит, что дважды два будет четыре, потому что это очевидно. Нужно вновь отыскать путь, дорогу, средство, воспитание, методы, которые вернут человечеству очевидность существования Бога, столь же неоспоримую, как дважды два.

Речь не идет о том, чтобы создать новую религию; напротив, нужно со всей верой обратиться к уже существующим религиям и проникнуть в них до наиболее древних, наиболее сокровенных структур чтобы попытаться вновь отыскать там истину, о которой они забыли.

66

При отце-католике и матери-протестантке я был крещен как протестант и получил протестантское воспитание. Но пастор показал и доказал мне отнюдь не больше, чем это сделал кюре для моего отца.

Когда настало время моего первого причастия, которое у протестантов приходится на четырнадцатилетний возраст, я достиг уже роста новобранца, и мне показалось стыдным выйти на всеобщее обозрение среди моих одногодков, которых я перерос на полторы головы. Вся деревня будет пялиться на меня в то время, как я буду жевать кусочек хлеба и запивать его глотком вина. Этот торжественный прием пищи мне казался смешным и нелепым. Мне объяснили, что эту сцену нужно считать памятью о последнем завтраке Иисуса, который принял смерть за меня. Но я не мог понять, почему Иисус умер за меня, чтобы искупить мои грехи — я не нуждался в чьей-либо смерти. Я ощущал себя совершенно невинным. Не понимал я и почему нужно было благодарить его, поедая кусок хлеба на глазах у всех кумушек округи. Я отказался идти на свое первое причастие.

Моя мать незадолго до этого умерла, изнуренная работой в булочной и необходимостью воспитывать трех детей нв протяжении пяти лет, пока отец находился в армии. Поэтому на меня обрушились возмущенные моим поведением бабушка и тетки. Но моя протестантская семья приучила меня уважать и почитать моих предков-гугенотов, веками сражавшихся за свободу мысли и свободное отправление своей религии. Я чувствовал солидарность с ними, я представлял, что веду такое же сражение, и я не уступил. Тогда семья обратилась за помощью к пастору. Тот взялся за меня всерьез; с взволнованным видом он спросил, не утратил ли я веру. Его взволнованность погрузила меня в глубокую растерянность. Я ни на миг не мог представить себе, что он сам верит во все эти глупости, в которые старается заставить верить нас. Я рассматривал его как немного наивного отца, пытающегося сохранить веру в Деда Мороза у своих детишек, у которых уже пробиваются усы. Естественно, со всем сопутствующим набором обещаний и угроз, чтобы дети как можно дольше оставались послушными.

Но его серьезный тон, его тревога, дрожащий голос и трясущиеся руки убидили меня в его искренности. Он верил во все, что говорил! Мне стало бесконечно жаль его, и на многократно повторенный им вопрос: "Ответь мне, неужели ты утратил веру?" я тихо ответил: "Нет." Это не было, по сути, ложью

— ведь я не мог утратить то, чего у меня не было.

В общем, я отправился на свое первое причастие, сделав это и для моей бабушки, которой исполнилось 86 лет, потому что мой отказ мог оказаться реальной угрозой для ее хрупкой жизни, и для этого бедняги-пастора, у которого мой отказ мог разрушить всю систему иллюзий, защищавших его абсурдную веру.

Когда этот прекрасный человек протянул нам чашу и поднос с кусочками хлеба, он снова задрожал, на этот раз от счастья. Он был убежден, что собравшиеся в церкви юноши думали о Христе с любовью и благодарностью, в то время, как они думали — я хорошо знал их — или о роскошном семейном обеде, ожидавшемся после церемонии причастия, или об отложенной игре в шарики, которую они собирались возобновить сразу же после окончания всей этой муры, или даже о девушках.

Он полагал, этот добряк, что в сердцах членов семей, наблюдавших за церемонией, в которой участвовали их херувимы, не было ничего, кроме любви к Богу и ближнему, в то время, как они изучали и сравнивали одеяния юношей, со злорадством обнаруживая те, что уже послужили одному или даже двум старшим братьям, отмечали плохо помытые уши и готовили запас язвительных замечаний, чтобы обменяться ими с соседями после окончания церемонии.

В это же время на противоположной стороне главной улицы, в католической церкви, такое же сборище питало такие же мысли перед таким же спектаклем.

И на всех лицах как родителей, так и детей, как протестантов, так и католиков, было наклеено одно и то же благочестивое, слащавое выражение, маскирующее истинное безразличие и злобу.

Охвативший меня стыд не имел отношения к тому, чего я опасался — что преимущество в росте выставит мою физиономию на всеобщее обозрение; мне было стыдно за ложь, которую кто угодно мог прочитать на ней, за лживость на лицах всех других участников церемонии, за церковь, за невероятную историю, рассказанную этим простодушным, за ложь всем прихожанам, собравшимся в церкви и притворяющимся, что они верят.

Где же во всем этом была правда? Кто из сотен собравшихся в двух церквях заботился об этом?

Все они лгали, лгали, лгали.

Мои щеки и лоб горели от стыда. Я обливался потом. Проглоченный хлеб застрял у меня в глотке. Мне хотелось залпом выпить все вино из серебряной чаши и швырнуть ее в пропитанную елеем аудиторию, словно камень в болото с головастиками. Я удержался, но мне стало еще более стыдно за

это. Мне стыдно и сегодня, стыдно за себя, ствдно за других, стыдно за всеобщую ложь Церквей, за их законы и законы общества, за ложь миллионов верующих, которые притворяются, что верят видимости, которую им предлагают.

Ложь — это болото, в котором тонет надежда человечества.

Мои предки-протестанты расстались с католической церковью потому, что им стало стыдно за нее. Они были не правы.

Никто не бросает жилье, которое показалось вам грязным. Его убирают.

Когда они расстались с церковью, Римская церковь устроила банный день, а они так и остались за дверью. Они оказались оторванными от традиций и лишились блага владеть этими секретными языками, которыми являются культовые действия, архитектура, одеяния и украшения священников, организация церковной иерархии и так далее. Разумеется, те, кто остался в доме давно забыли смысл этих языков, но ведь если вы ищете дорогу в подвал, то вряд ли вы выйдете во двор и отправитесь спать в сарае.

Цикл Круглого стола, несомненно, созданный монахами, которые еще помнили, где находится свет, рассказывает в символической манере, используя в качестве образов представителей эпохи и обычаи того времени, как выглядел духовный маршрут, по которому нужно было пройти, чтобы достичь Круглого стола. Все эти образы стали совершенно непонятными для современного читателя.; лишь отдельные из них сохранили очевидный смысл и остались ясными.

Например, Грааль, который должен отыскать Рыцарь, и который будет вознаграждением за его приключения. Это чаша, в которую стекла кровь Иисуса, пораженного ударом копья в бок. Он должен утолить жажду и голод странника, он сверкает невыносимым светом, подобно лику Моисея. Это всегда один и тот же образ.

Грааль, содержащий кровь Иисуса, это традиция, это ключ и дверь, это место, в котором хранится Истина.

Известно, что Грааль хранится в потайной комнате замка, охраняемого раненым королем. Король был ранен в бедро тем же копьем, которое нанесло рану в бок Иисусу, и эта рана не могла быть исцелена. Эта вечная рана кровоточила и причиняла королю мучения, но он не мог умереть, подобно тому, как не мог и излечиться. Ему поручено сберечь Грааль, он теряет кровь и рана его загнивает; он жалуется всем рыцарям, которые ищут путь к замку раненого короля, и те сочувствуют ему, жалеют этого несчастного, теряющего кровь при охране Грааля.

Когда один из рыцарей, преодолевший все преграды, разгадавший все дьявольские хитрости, победивший всех врагов,

наконец, обнаруживает замок, входит в зал, где находится раненый король и, испытывая жалость к несчастному, спрашивает его о самочувствии, Грааль немедленно исчезает. Этот рыцарь больше никогда не увидит его.

Только Галахад, Белый рыцарь, войдя в замок выкрикивает вопрос, который и должен быть задан. Он не беспокоится о здоровье короля. Он не считает себя ни врачом, ни плакальщицей, он пришел сюда не за тем, чтобы ставить пластырь. Не для того он прокладывал себе путь с раннего детства, преодолевая иллюзии, колдовство и ложь. Он пришел сюда ради Грааля, а не ради бедняги-короля. Поэтому, едва войдя в замок, он кричит, кричит нетерпеливо, почти гневно: "Где тут Грааль?"

И он получает свой Грааль.

Мне достаточно ясно, что король, хранитель Грааля, представляет собой церковь. Церковь материальна, церковь человечна, она не может и никогда не сможет быть абсолютно здоровой. Но какое значение имеют ее раны, какое значение имеет то, что они загнили и отвратительно пахнут? Нам некогда ни жалеть ее, ни пытаться исцелить эту неизлечимую плоть. Мы можем только крикнуть: "Где Бог?" И если церковь больше не в состоянии указать нам путь и нужную дверь, то мы будем искать вместе с ней.

Люди, которые отвернулись от духовности с ложным лицом чтобы попытаться отыскать уверенность в реальности, сегодня начинают замечать, что она отнюдь не менее обманчива. Реальность — это не истина; все — это ничто; то, что мы видим — невидимо; коснуться мы можем только неосязаемого. Материя исчезает под ногами у материализма. Наши чувства и наш разум воспроизводят в нашем сознании архитектуру Вселенной, картина которой обладает глубиной не большей, чем театральные декорации. За этим фасадом, ограничивающим познание, перемещается вихрящаяся бесконечность уравновешивающих друг друга нематериальных сил. Эти силы, эта бесконечность, это равновесие, этот порядок, который можно обнаружить в ноже и в женской груди, в розе и в звезде, эта гигантская тщательная упорядоченность, которая создает все из ничего… Мы догадываемся, что это единственная реальность, всегда одна и та же реальность, проглядывающая сквозь обманчивые черты реализма и спиритуализма.

Поэтому те, кто пытается проникнуть за первую или за вторую декорацию, неизбежно встречаются друг с другом, едва они прорываются сквозь эти уловки, хотя и создается впечатление, что они двигались в противоположных направлениях.

69

Когда наши дети найдут ответы на наши вопросы, будут ли они удовлетворены? Найдут ли они объяснение, почему представители царства живых существ занимаются самоубийством, отыщут ли они оправдание терзаемой плоти?

Существует классическая проблема, которая может помочь нам понять необходимость живого. Вот ее суть.

Имеется герметично закрытая комната с непрозрачными стенами, внутри которой нет ни одного живого существа и отсутствуют какие-либо научные приборы. С потолка комнаты свисает на шнуре электрическая лампочка, которая включается снаружи. Если дать ток в лампочку, которая нормально функционирует, появится ли свет внутри комнаты?

Ответ вам покажется очевидным. Вы скажете: "Да! Конечно!"

Осторожно…

Давайте, подумаем.

Повторим опыт. Поместим в комнату фотоэлектрический элемент, связанный с находящимся снаружи гальванометром и будем наблюдать за его показаниями. Мы увидим, что когда лампочка включается, на гальванометр поступает электрический ток.

Сделаем ли мы из этого вывод, что лампочка испускает ток?

Конечно, нет. Лампочка может испускать лучи, фотоны, кванты… Остановимся на этом в ожидании появления новой теории и скажем просто, что она испускает колебания.

Фотоэлектрический элемент получает эти колебания и трансформирует их в электрический ток.

Теперь поместим в закрытую комнату рядом с элементом, подключенным к гальванометру, живой организм, имеющий орган зрения, связанный с нервной системой. И включим лампочку.

Лампочка излучает колебания.

Фотоэлемент улавливает их и преобразует в свет.

Глаз улавливает их и преобразует в свет.

Мы без особого сопротивления можем воспринять идею, что существуют живые организмы, обладающие, вместо глаза, воспринимающим органом, способным преобразовывать одни и те же колебания в звуки или в тепло, в осязательные ощущения или в вибрации, в запахи или в движения, в тысячи и тысячи других форм восприятия, которые мы даже не в состоянии представить, поскольку они находятся за пределами наших органов чувств.

Свет — это всего лишь свойственный нам один из

бесчисленного количества способ воспринимать и трансформировать через посредство нашего глаза и нашего мозга испускаемые лампочкой колебания.

До тех пор, пока в комнате не появится тот, кто смог бы выполнить это преобразование, в закрытой комнате не будет света.

ТОЛЬКО ГЛАЗ СПОСОБЕН ПОРОДИТЬ СВЕТ.

Если в комнате не будет живого существа, чтобы видеть, чтобы наблюдать за творением тысячами или даже миллионами способов, из которых мы знакомы едва с полудюжиной, чем тогда будет Творение? Оно будет тем, чего вроде бы и не существует.

Оно будет менее, чем трупом. Оно будет неуловимым потому, что его некому будет улавливать. Оно будет ничем.

Не в этом ли заключается роль живого?

Обеспечить существование Вселенной, наблюдая ее?

Творец создает свое Творение. Вас смущает это слово — Творец? Меня тоже. Это отдает воскресной проповедью, вы словно слышите звенящий голос профессиональных проповедников Господа нашего, нашего доброго Бога. Впрочем, это достаточно простое слово, которое выражает именно то, что оно означает. Но его основательно измазали вареньем прежде чем приклеить ему на подбородок ватную бороду. Это огромное, безграничное слово, лишенное точности, это слово-сущность, слово-функция, оно становится теперь экуменическим. Поэтому напишем, чтобы чувствовать себя более в своей тарелке: Творческий принцип создает свое Творение.

Это выражение тоже смущает меня. На этот раз это Жан-Поль Сартр, это профессор филологии, разум которого освещен газовой лампой XIX века, тот-кого-не-удалось-обмануть.

Напишем: То-что-создает… И тем хуже для слов; если вы не чувствуете, что я хочу сказать, эта книга бесполезна. И вы тоже. И, конечно, я. Возможно, это и есть истина, которую мы ищем. Но мы имеем право надеяться на другое.

Итак, То-что-создало свое Творение.

Но если нет никого, чтобы узнать это, то получается, словно бы ничего и не было создано. Творение остается как бы несозданным, пока о нем никто не узнал. Живое дополняет творение Того-что-создает, осознавая то-что-было-создано. Великолепная роль для человека, вершины живого, роль волнующая, блистательная при условии, что он сознает это, что он знает, что он чувствует, что он живет, при условии, что он не проделывает свой жизненный путь подобно автомату, глухому, слепому, безрукому и абсурдному.

Но даже эта роль, ставящая мыслящего человека на уровень

Бога, даже эта роль не может оправдать неоправдываемое. Существование тысяч Вселенных, всего Творения в целом не оправдывает страдания ребенка, которого мучает больное ухо, страдания газели, которой львиные когти распороли брюхо, страдания плотвички, которую перекусили пополам зубы щуки.

Ничто не может оправдать страдания невинных. Должно быть недостаточно Всего, чтобы оправдать одного зарезанного ягненка.

Если нигде в Разъяснении не находится объяснение пролитой крови, то вполне нормальным будет наступление времени Бомбы.

Но я думаю не о крови человека.

Кровь человека будет отныне проливаться только им самим. И только потому, что он сам хочет этого. Ведь человек далеко не столь невинен, как ягненок или тигр. Когда он наносит рану, разрушает или убивает, он понимает, что он делает. И это очень редко вызывается необходимостью. Страдание человека — это единственное страдание в мире живых существ, за которое никто не имеет права требовать отчета. Это его личное дело.

Кровь, о которой я думаю, это кровь великого побоища, в котором неизбежно принимает участие любое живое существо, едва оно появляется на свет. И именно благодаря этому появлению.

Если всеобщее смертоубийство, необходимое для поддержания жизни, не имеет иного основания кроме как поддерживать ее, если кровавая жертва, в которой каждое живое существо является одновременно ножом палача и перерезанной глоткой, не имеет другой цели кроме сохранения страдающей плоти, чтобы она могла продолжать страдать, значит, вся система никуда не годится, значит, жизнь — дерьмо, и естественно и логично, что она в конце концов создала человека, а человек создал Бомбу.

Известно, что когда инженеры создают новый механизм, то они заставляют его работать на предельной мощности, чтобы испытать как следует. Если модель оказывается удачной, она выдерживает это испытание и затем изготовляет все, что было предусмотрено его создателями. Если же он не проходит проверку, то его несовершенство разрушает его, когда он работает в пиковом режиме.

71

Сегодня 1 января 1966 года. Сегодня я должен закончить эту книгу, закончить, несмотря на все усилия двух моих внучек, которые царапаются в мою дверь, зовут меня, носятся по коридору, пытаясь поймать за хвост собаку, плачут, смеются, живут и ни в чем не сомневаются. А еще у меня есть два внука, которые живут на берегу моря. Четыре почки, которые уже несут в своих невинных клетках приказы рода, вида и жизни вообще. И до того, как эта книга выйдет из печати, возможно, появятся еще одна или две. Жизнь, любовь, вид — это не так уж мало!

Год заканчивается, год начинается, старая и юная Земля вращается, вращается вокруг своей оси, вокруг Солнца в бесконечном пустом пространстве, кружится, словно последний танцор, который не хочет, чтобы закончился бал. Солнце тоже вращается, вращается и увлекает за собой Землю, увлекает за собой планеты, которые кружатся, кружатся в великом туристическом турне по бесконечной Галактике. Галактика вращается, вращается, Вселенная кружится, фантастически огромное скопище частиц кружится, кружится и все это головокружительное вращение есть бесконечный вихрь ничего, нуля, пустоты.

Мои внучки бегают за собачьим хвостом. Они существуют, потому что живут. Единственная реальность — это жизнь.

Материя есть ничто иное, как иллюзия, Вселенная — это бесконечный вихрь пустоты; собачий хвост существует только потому, что маленькая живая девушка видит его и хочет схватить его.

Я ощущаю себя таким же юным, как они, может быть, даже более юным, потому что мое любопытство и моя радость сильнее, чем у них.

Они живут. Я знаю, что я тоже живу. Мне понадобилось немало времени, чтобы узнать это. И я хочу узнать все остальное. Если не быть Богом, то на это будет недостаточно всего времени.

Год начинается, день кончается, надо укладывать детей спать.

Я хотел бы, чтобы слово "конец" уже было написано. Что будет завтра утром? Жизнь человека так коротка, время, которое есть у людей, возможно, накогда не закончится.

Может быть, их предназначение — сломать несовершенную машину.

Или, может быть, наоборот, они должны усовершенствовать ее.

Через век они, наверное, сметут с лица Земли все виды живых существ за исключением своего. Их будет не меньше пятидесяти миллиардов, они займут всю поверхность планеты. Не останется ни на континентах, ни под водой места для овцы, для кустика травы, для трески. Чтобы прокормить пятьдесят миллиардов человек, не будет времени на то, чтобы теленок стал быком, чтобы зернышко стало морковкой, чтобы пшеница созрела, чтобы клубника стала красной. Придется ускоренно производить на заводах путем синтеза полный набор стерилизованных, витиминизированных, ароматизированных, упакованных порциями продуктов, пригодных для употребления после того, как вы разорвете оболочку. Мы являемся одним из последних диких поколений, питающихся салатом и кровоточащим мясом. Наши не слишком отдаленные потомки содрогнутся от отвращения, при одной мысли о своих предках, питавшихся корнями, зернами, подземными клубнями и резавшими животных, куски мяса которых они тоже использовали в пищу.

Человек, который окончательно выиграет войну видов, положит конец этой битве, уничтожив всех своих соперников. Человеческий род, единственная форма сохранившейся жизни, будет получать свою пищу на заводах непосредственно из минеральных веществ. Великое пожирание живых живыми, вечный цикл убийства, страха и страдания оборвется навсегда.

Человек, вершина земной эволюции, уничтожив своих предшественников, которые произвели его, питали и обслуживали, положит конец болезненным и мрачным временам медленного созревания. В этом, может быть, смысл существования рода человеческого.

На горизонте вырисовывается новое время.

Земля дала созреть своему зерну и собирается посеять его среди звезд.

Перед человеком открывается две возможных судьбы: или погибнуть в своей колыбели от своей собственной руки, от своей гениальности, от своей глупости; или же устремиться на вечные времена в бесконечность пространства и распространить по нему жизнь, избавленную от необходимости убивать.

Выбор надо будет сделать уже завтра.

Может быть, он уже сделан.

Сделан человеком? Или Видом? Или Жизнью? Или Планом?

Кем?

Или ЧЕМ?

К О Н Е Ц